

Томас Линд

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА в БОЛЬШОЙ ИГРЕ

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

Томас Линд

Оглавление

Глава 1. История одной религиозной организации и её участников.

Формирование «Антисект»

Глава 2. Семинар в отеле «Исландия» и генезис системного антикультизма (2006)

Глава 3. «Эксперты» без экспертизы. Триумвират «Антисект»

Глава 4. Рига–2018: Конференция, которой «не было»

Глава 5. Латвия на исторической развилке

Источники

Рига. 2 июня 2018 года. В конференц-зале латвийской столицы собрались представители 14 государств, география которых охватывает весь спектр глобального влияния: от Франции и Германии до США и Великобритании, от России до стран постсоветского пространства. Делегаты позиционируют себя как защитники общества, эксперты, стоящие на страже духовной безопасности граждан. Звучат правильные слова о защите семейных ценностей, правах человека и необходимости противостоять деструктивному влиянию. Однако то, что в этот день выглядело как респектабельное собрание интеллектуалов и общественных деятелей, на деле обернулось куда более сложным явлением, скрывавшим процессы, смысл которых нам ещё предстоит понять.

Маленькая страна на берегу Балтийского моря. Член Евросоюза и НАТО. Образец постсоветской трансформации. Мост между Востоком и Западом. Выбор Латвии в качестве объекта данного исследования неслучаен. Эта балтийская страна представляет собой уникальный исторический и геополитический узел, где переплетаются интересы великих держав и травмы прошлого. Именно здесь, на стыке цивилизаций, деятельность антикультистских организаций требует самого тщательного анализа.

Глава 1.

История одной религиозной организации и её участников. Формирование «Антисект»

Постсоветская Латвия середины 1990-х годов представляла собой пространство колоссального социального и духовного разлома. Крушение коммунистической идеологии, десятилетиями цементирующей общественное сознание, оставило после себя зияющую пустоту, которую немедленно начали заполнять новые смыслы. Традиционные христианские конфессии — лютеранство, католицизм и православие — выходили из советского периода ослабленными, скованными инерцией и необходимостью восстановления собственной институциональной структуры. В этом состоянии растерянности и поиска они оказались не готовы к агрессивной конкуренции на «рынке спасения». Именно на этом фоне, среди серых будней переходного периода, бедности и кризиса идентичности, в Риге вспыхнула яркая, почти ослепляющая звезда церкви «Новое поколение». Феномен этой организации невозможно рассматривать в отрыве от личности её основателя, Алексея Ледяева. Лидер, порвавший с консервативной баптистской и пятидесятнической традицией, предложил русскоязычному населению Латвии продукт, радикально отличавшийся от всего, что они видели ранее. Вместо сдержанной литургии и тихой молитвы «Новое поколение» предлагало богослужения в формате рок-концертов, экзальтированные проповеди, обещания скорого процветания и ощущение причастности к чему-то грандиозному. Стремительный рост общины — от собраний в подвальных помещениях до аренды крупнейших залов столицы и стадионов — стал не просто религиозным фактом, но социальным вызовом.

Появление столь мощной, финансово обеспеченной и идеологически монолитной структуры, действующей вне привычных рамок государственного или церковного контроля, неизбежно должно было породить ответную реакцию. Однако, вопреки ожиданиям, первый и самый жесткий удар по «Новому поколению» нанесло не столько государство или традиционные конфессии, сколько сопротивление, зародившееся в недрах гражданского общества, сформировав уникальный феномен латвийского антикультизма.

Колыбелью этого сопротивления стала организация, далекая от теологии, — «Русский молодёжный клуб» (РМК). Это была преимущественно светская русскоязычная молодежь, студенты, представители интеллигенции. Их мотивация базировалась не на защите чистоты христианских догматов, а на смеси правозащитного пафоса и страха перед тоталитарным контролем сознания. Для активистов РМК церковь Ледяева была не ересью, а угрозой психическому здоровью нации, аппаратом подавления индивидуальности. Здесь кроется первый парадокс латвийского антисектантства: защита «русской души» от «духовного порабощения» велась руками самих же русских, в то время как латышский истеблишмент в середине 90-х годов часто предпочитал роль наблюдателя, воспринимая происходящее как внутренние разборки национального меньшинства.

Точкой бифуркации, превратившей разрозненное недовольство в организованное движение, стали события октября 1995 года. Этот эпизод в антикультистском нарративе приобрел черты основополагающего мифа. Группа активистов «Русского молодёжного клуба» решилась на беспрецедентный шаг — прямую интервенцию. Проникнув на мероприятие «Нового поколения», они вступили в открытую публичную полемику с проповедниками. Согласно утвердившемуся в антисектантской среде нарративу, благодаря «грамотно подготовленной дискуссии» и рациональным аргументам, активистам удалось «буквально вырвать из рук вербовщиков» группу людей. Именно вокруг этого события сформировалась легенда о «пятнадцати спасённых». При детальном анализе этот эпизод требует критической деконструкции. В риторике борцов с культами термин «спасённые» подразумевал героическое извлечение людей из деструктивной среды. Однако фактология указывает на то, что речь шла скорее о предотвращении вовлечения. Активисты сорвали «прием новообращенных», не дав примерно полутора десяткам человек совершить финальный шаг вступления в общину.

Несмотря на отсутствие задокументированных списков этих людей, медицинских освидетельствований их психологического состояния или их собственных публичных свидетельств в последующие годы, этот инцидент сыграл колоссальную роль. Он легитимизировал методы антикультистов. Впервые было наглядно продемонстрировано, что всесильной харизме проповедников можно противопоставить логику и критическое мышление. Миф

о «пятнадцати спасённых» стал знаменем, под которым движение начало свою экспансию, перейдя от ситуативных акций к системной борьбе.

Последовавший за этим период с 1996 по 1999 год можно охарактеризовать как эпоху «уличных войн». Пространственным центром конфликта стал Рижский спортивный манеж — монументальное сооружение, которое «Новое поколение» использовало для демонстрации своей мощи, собирая на «праздники-концерты» и служения исцеления тысячи людей. Для антикультистов «Манеж стал линией прямого столкновения». Именно здесь разворачивались самые драматичные сцены противостояния.

Первый организованный пикет у стен Манежа в 1996 году стал шоком и для прихожан, и для случайных прохожих. Картина была исполнена драматизма: холодные рижские улицы, потоки людей, стремящихся в тёплый зал за чудом и исцелением, и горстка активистов с плакатами и листовками, пытающихся прорвать информационную блокаду.

Тактика пикетчиков эволюционировала от простых лозунгов к попыткам индивидуального контакта. Активисты раздавали аналитические материалы, вступали в диалоги, пытаясь посеять зерно сомнения в умах потенциальных неофитов за минуты до того, как те попадут под воздействие коллективного экстаза. Психологическое напряжение этих акций было запредельным. Представители церкви реагировали на пикеты крайне болезненно. В риторике проповедников оппоненты демонизировались, превращаясь из критиков в «агентов сатаны», врагов пробуждения и гонителей веры. Охрана «Нового поколения» неоднократно вступала в словесные, а иногда и физические перепалки с пикетчиками. Для прихожан проход сквозь строй протестующих становился своеобразным испытанием верности, тестом на лояльность лидеру. Тем не менее, уличная активность имела свои пределы.

К 1999 году стало очевидно, что тактика «стояния у дверей» приносит всё меньше результатов. Эффект новизны прошёл, церковь адаптировалась к внешнему давлению, научившись игнорировать протестующих или использовать их наличие как доказательство собственной избранности и мученичества. Движению требовалась трансформация.

На рубеже тысячелетий происходит институционализация латвийского антикультизма. Стихийная группа волонтеров трансформируется в структурно оформленную организацию. Еще в конце 1990-х — начале 2000-х на базе

активистов РМК создается «Комитет по борьбе с тоталитарными сектами» (он же часто упоминается как Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами (Антисект)).

Это уже не просто клуб по интересам, а структура, претендующая на экспертный статус. В её орбиту вовлекаются юристы, психологи, педагоги. Уличный мегафон сменяется папками с документами и пресс-релизами. Ключевым поворотным моментом в этой эволюции стала серия выходов на государственные площадки и публичные обсуждения в конце 1990-х — начале 2000-х (в том числе на уровне профильных ведомств). Факт приглашения борцов с сектами на правительственную площадку означал тектонический сдвиг: государство де-факто признало наличие проблемы и легитимность антисектантского дискурса. Власть, ранее дистанцировавшаяся от религиозных споров, начала прислушиваться к аргументам о «деструктивном характере» новых движений. Это открыло для Комитета двери кабинетов.

С начала 2000-х годов тактика борьбы меняется кардинально. Вместо замерзания у спортивных арен антикультисты переходят к лоббированию законодательных инициатив. Ярким примером этой новой стратегии стал пикет у здания Сейма в начале 2000-х, где выдвигались уже не абстрактные требования «остановить секту», а конкретные предложения по ужесточению контроля за религиозными организациями.

Комитет начинает плотную работу со средствами массовой информации, формируя в общественном сознании устойчивый негативный образ «Нового поколения» и других подобных групп. С середины 2000-х года начинается «второй профессиональный этап»: акцент смещается на реабилитационную работу с жертвами и юридическую помощь пострадавшим.

Однако, анализируя историю этого противостояния, нельзя обойти вниманием содержание обвинений, выдвигаемых против «Нового поколения». Риторика антикультистов строилась на классической триаде: обвинения в финансовой эксплуатации (десятина, пожертвования), разрушении семейных связей и использовании техник контроля сознания (гипноз, «зомбирование»). В публичном пространстве эти тезисы подавались как доказанные факты. Реальность же была сложнее. Парадокс ситуации заключался в существенном разрыве между тяжестью публичных обвинений и их юридической доказуемостью.

В рассматриваемый период (1995–2007) в Латвии в публично доступной фактологии не просматривается серия успешных уголовных дел против руководства «Нового поколения», которые однозначно подтверждали бы факты насильственного удержания людей, применения психотропных средств или мошенничества в крупном размере. Доказательная база антикультистов строилась преимущественно на свидетельских показаниях бывших адептов — так называемых «отступников». Их истории, безусловно, были полны личной трагедии и боли, описывали авторитарный стиль управления и психологическое давление, но далеко не всегда содержали состав преступления, предусмотренный уголовным кодексом. Миф о «15 спасённых» в этом контексте показателен: отсутствие имен и документальных следов позволяло интерпретировать событие как угодно широко, но с юридической точки зрения оно оставалось в «серой зоне».

Кроме того, значительную роль в формировании обвинительного уклона играл внешний фактор — влияние российских медиа. Российские федеральные каналы регулярно выпускали разоблачительные сюжеты о Ледяеве, обвиняя его в связях с криминалом и даже в организации притонов, однако эти утверждения, транслируемые и в латвийском инфополе, часто оставались на уровне медийных заявлений и плохо поддавались верификации на латвийском материале. Алексей Ледяев использовал отсутствие доказательной базы, строя свою защиту на позиции жертвы клеветы и политического давления со стороны Москвы и православного лобби.

Политический и социальный контекст конфликта добавляет к этой картине еще одно измерение — этническое. Противостояние «Комитета» и «Нового поколения» было, по сути, внутривидовой борьбой в русскоязычном сегменте латвийского общества. Латышская политическая элита долгое время воспринимала этот конфликт отстраненно, пока Алексей Ледяев не совершил стратегическую ошибку, перейдя черту, отделяющую религию от политики. Провозглашение теологии «Нового мирового порядка», создание Латвийской Первой партии (связанной со Айнаром Шлесерсом) и откровенные претензии на установление теократических принципов управления государством заставили латвийское общество вздрогнуть.

Антикультизм перестал быть делом группы энтузиастов и превратился в инструмент политической гигиены. Аргументы Комитета о том, что «Новое поколение» создает «государство в государстве», внезапно обрели актуальность

для национальной безопасности. В этом свете атаки на церковь стали восприниматься не как ущемление свободы совести, а как защита конституционного строя.

Необходимо признать двойственность результатов деятельности антисектантского движения. С одной стороны, остановить физический рост «Нового поколения» им не удалось: количество приходов росло, влияние Ледяева выходило далеко за пределы Латвии. Однако на символическом уровне победа осталась за антикультистами. Им удалось создать устойчивый токсичный ореол вокруг организации. Термин «секта» прочно закрепился в общественном дискурсе применительно к нетрадиционным движениям. Действия «Русского молодёжного клуба» и последующего Комитета сформировали в Латвии устойчивый шаблон восприятия любой активной религиозной инаковости как потенциальной угрозы. Шаблон атак, выработанный в противостоянии с «Новым поколением» — от срыва собраний до лоббирования законов — стал универсальной матрицей, предопределившей жесткое отношение к религиозным меньшинствам в Латвии на долгие годы вперед.

Глава 2.

Семинар в отеле «Исландия» и генезис системного антикультизма (2006)

Лето и ранняя осень 2006 года в Риге были временем пьянящего экономического оптимизма, периодом, который впоследствии публичном дискурсе и исследованиях получит горько-ироничное название «жирные годы». Латвийская столица, окончательно оправившаяся от постсоветской турбулентности девяностых и уверенно интегрирующаяся в евроатлантические структуры, переживала беспрецедентный строительный и потребительский бум. Город стремительно менял свой облик, сбрасывая серую кожу советского прошлого и примеряя глянцевый фасад европейского благополучия.

Одним из самых ярких символов этой новой эпохи стал отель «Исландия» (Hotel Islande), торжественно распахнувший свои двери на острове Кипсала в марте 2006 года. Сверкающее стеклом и металлом здание, возвышающееся над водами Даугавы, олицетворяло собой устремленность в будущее,

респектабельность и успех. Это было пространство, созданное для серьезного бизнеса, международных делегаций и «белых воротничков», обсуждающих миллионные инвестиции в экономику «балтийского тигра». В холлах пахло дорогой кожей, свежей отделкой и крепким кофе — ароматом новой жизни, к которой так стремилось латвийское общество.

Именно этот разительный, почти кинематографический контраст между ультрасовременным, подчеркнуто европейским фасадом новой Риги и глубоко архаичным, репрессивным содержанием происходящего внутри делает выбор места для антисектантского семинара 2006 года столь фундаментально значимым событием. В конференц-залах этого фешенебельного отеля, оснащенных по последнему слову техники, разыгрывался акт, который историки религиозных движений и социологи впоследствии назовут «точкой бифуркации» латвийского антикультизма.

Если ранее борьба с новыми религиозными движениями велась преимущественно на церковных амвонах, в сырых подвалах приходских школ и на страницах маргинальной черно-белой прессы, то теперь она властно шагнула в пространство светского престижа и корпоративного лоска.

События, развернувшиеся в отеле «Исландия», категорически нельзя рассматривать как рядовое просветительское мероприятие или очередную встречу обеспокоенной общественности. Это был момент качественного фазового перехода, трансформации самой природы конфликта. Здесь, в окружении европейского комфорта, формировался дискурс, который по своей сути был глубоко антиевропейским, направленным на планомерное сворачивание религиозных свобод и внедрение механизмов жесткого полицейского контроля над духовной жизнью граждан. Семинар стал для участников и организаторов теневым учредительным съездом, своеобразной точкой сборки, где разрозненные, часто хаотичные инициативы отдельных активистов были переплавлены в жесткую системную структуру с недвусмысленной претензией на государственное влияние.

Именно в 2006-2007 годах, в этих стенах, была впервые четко сформулирована заявка на то, чтобы превратить абстрактные богословские споры в конкретные вопросы национальной безопасности, а идеологических оппонентов пере kvalифицировать из «заблудших овец» в «агентов иностранного влияния» и прямую угрозу суверенитету. Этот период провел

невидимую, но непреодолимую черту, навсегда разделив историю движения на кустарный, любительский период «до» и системный, институционализированный период «после».

Успех любой масштабной идеологической трансформации зависит не столько от абстрактных идей, какими бы заразительными они ни были, сколько от конкретных носителей, способных эти идеи воплотить в жизнь, придать им форму и звучание. В 2006 году латвийское антисектантское движение наконец обрело своих истинных организаторов, сумевших создать уникальный и крайне эффективный симбиоз академического авторитета и агрессивного политического лоббизма. Тандем Олега Никифорова и Виктора Ёлкина стал тем самым двигателем, который позволил вывести маргинальную повестку «борьбы с еретиками» на уровень общенациональной дискуссии и правительственных кабинетов.

Олег Никифоров исполнял критически важную роль «академического фасада», или, прибегая к терминологии спецслужб, роль «легализатора». Доктор психологии, ассоциированный профессор, преподаватель престижных вузов — его фигура была идеальным, безупречно отточенным инструментом легитимации репрессивного дискурса. В отличие от экзальтированных религиозных фанатиков прошлого, пугавших обывателей гееной огненной, Никифоров говорил спокойным, взвешенным языком науки.

Он намеренно избегал клерикальных терминов вроде «ересь», «грех» или «бесовщина», заменяя их на стерильные, псевдомедицинские конструкции: «социально-психологическая деструкция», «манипуляция сознанием», «информационная зависимость» и «психическое здоровье нации». Его высокий академический статус позволял «отмывать» идеологически ангажированные, порой откровенно ксенофобские тезисы до состояния респектабельных научных фактов.

Когда профессор психологии с университетской кафедры заявляет об опасности той или иной группы, чиновник, журналист или полицейский склонен воспринимать это не как частное мнение верующего человека, а как объективное экспертное заключение, требующее реакции. Никифоров фактически обеспечивал движению «входные билеты» в кабинеты министерств образования, здравоохранения и внутренних дел, виртуозно превращая борьбу

традиционных конфессий с конкурентами в государственную заботу о душевном равновесии граждан.

Виктор Ёлкин представлял собой полную противоположность и одновременно абсолютно необходимое дополнение к сдержанному профессору. Это был «политический таран», идеолог прямого оперативного действия, человек, органически нацеленный на конфликт, публичность и расширение зоны влияния. Если Никифоров работал с формой, придавая движению благообразный, цивилизованный вид, то Ёлкин генерировал содержание, пропитанное тревогой, срочностью и требовательностью. Его риторика была лишена академических полутонов и научной осторожности; она была рубленой, агрессивной и мобилизующей.

Ёлкин выступал в роли народного трибуна, который не просто констатирует факты, а требует немедленной, жесткой реакции от силовых структур. В его картине мира, которую он транслировал аудитории, Латвия находилась не в безопасности европейского дома, а в кольце врагов, в состоянии осады, и только экстраординарные, решительные меры могли спасти нацию от порабощения чуждыми культурами. Синтез этих двух подходов позволил заполнить существовавшую ранее институциональную пустоту.

До 2006 года поле борьбы с сектами в Латвии было фрагментированным: отдельные священники, обеспокоенные родители, журналисты-сенсационщики действовали разрозненно, без единой стратегии и цели. Никифоров и Ёлкин пришли не просто поучаствовать в этой борьбе, а возглавить и монополизировать её. Они предложили обществу и государству готовую, упакованную «под ключ» структуру, где сомнительная «научная» экспертиза подкреплялась яростным гражданским активизмом. Этот тандем стал прямым прообразом будущей организации «Антисект», которая де-юре оформится лишь в апреле 2007 года, но де-факто начала функционировать как слаженный механизм именно в прохладных конференц-залах отеля «Исландия».

Сам факт проведения семинара на столь престижной площадке заслуживает отдельного пристального анализа с точки зрения ресурсного обеспечения. Резкое, почти мгновенное перемещение антикультистских собраний из церковных пристроек, домов культуры и арендованных на час школьных классов в один из новых четырёхзвёздочных конференц-отелей Риги стало безошибочным маркером появления серьезного финансирования и

высоких покровителей. Возникает закономерный вопрос: кто оплачивал этот «банкет»? Очевидно, что низовая общественная инициатива, существующая на скромные членские взносы энтузиастов, вряд ли могла позволить себе аренду таких площадей, кейтеринг и организацию мероприятия подобного уровня.

Это неопровержимо свидетельствует о том, что к 2006 году проект Никифорова и Ёлкина получил молчаливую, но весомую поддержку элит — будь то церковные иерархи традиционных конфессий, видевшие в новых движениях угрозу потери паствы или представители консервативного политического истеблишмента, искавшие новые инструменты идеологической консолидации электората на почве «защиты традиционных ценностей». Семинар был тщательно срежиссирован не как внутренняя встреча единомышленников, а как презентация новой политической силы, адресованная внешнему миру.

Организаторы стремились выйти за пределы узкого круга воцерковленных активистов. В зале присутствовали не только «борцы с сектами», но и представители прессы, педагоги, социальные работники и, что особенно важно, сотрудники правоохранительных органов. Целью было показать, что антисектантское движение — это не сборище религиозных фундаменталистов с горящими глазами, а современная, респектабельная гражданская инициатива, готовая действовать в легальном поле и помогать государству решать сложные социальные проблемы. Это было талантливое приспособление под европейские стандарты гражданского общества, за которым, однако, скрывалась жесткая авторитарная повестка, направленная на демонтаж основ этого самого общества.

Центральным событием семинара, его смысловым и идеологическим ядром, стало программное выступление Виктора Ёлкина. Эта речь, по сути, являлась развернутым манифестом тоталитарного контроля и детальной «дорожной картой» для развития антикультизма в Латвии на следующее десятилетие. Анализируя тезисы Ёлкина, можно выделить три ключевых вектора, каждый из которых был направлен на подрыв либеральных принципов свободы совести и верховенства права.

Первым и, пожалуй, фундаментальным вектором стала юридическая интервенция. Ёлкин настойчиво, безапелляционно продвигал требование о законодательном закреплении термина «тоталитарная секта». На первый, неискушенный взгляд, это могло показаться заботой о точности юридических формулировок, попыткой навести порядок в терминологии. Но на деле это

представляло собой попытку масштабной юридической диверсии. В правовом поле Европейского союза и Латвии существовали понятия религиозных организаций, общественных объединений, но термин «тоталитарная секта» отсутствовал как класс. Введение этого эмоционально окрашенного, идеологического ярлыка в тело закона дало бы государству мощнейший инструмент репрессий.

Смысл маневра заключался в подмене понятий: вместо доказательства конкретной вины организации или ее лидеров (мошенничества, насилия, неуплаты налогов) предлагалась типологизация. Если закон признает группу «сектой» на основании расплывчатых, субъективных критериев (например, наличие харизматичного лидера, строгой дисциплины или веры в свою исключительность), то для её запрета уже не нужно доказывать совершение реальных преступлений. Сама принадлежность к группе становилась бы стигмой и достаточным основанием для санкций. Это была попытка криминализировать веру как таковую, если она не укладывалась в рамки «традиционности».

Вторым, и самым опасным с точки зрения гражданских свобод требованием, стала институционализация через создание Межведомственной комиссии. Ёлкин предлагал создать постоянный государственный орган, в который на правах членов вошли бы представители Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения, а также эксперты от «традиционных конфессий» и, разумеется, сами антикультисты в качестве консультантов. По своей сути и функционалу это было предложение о создании «полиции нравов», надгосударственной инквизиционной надстройки, где функции светской исполнительной власти сливались бы с религиозными догматами одной конфессии.

В такой комиссии священник и полицейский сидели бы за одним столом, решая судьбу религиозных меньшинств. МВД получало бы идеологическую санкцию на преследование, а церковь — административный и силовой ресурс для борьбы с конкурентами. Это была прямая заявка на создание репрессивного аппарата, выведенного из-под стандартных процедур судебного контроля, где «экспертиза» Никифорова и доносы Ёлкина служили бы безальтернативным основанием для полицейских рейдов, обысков и арестов.

Третий вектор речи касался тотального контроля над гражданским обществом. Ёлкин активно транслировал идею о необходимости резкого

ужесточения надзора за неправительственными организациями (НКО). Используя риторику «осажденной крепости», он утверждал, что под видом религиозных групп, культурных центров и благотворительных фондов в Латвии действуют замаскированные иностранные агенты влияния. Любая организация, имеющая штаб-квартиру за рубежом — будь то мормоны, саентологи, пятидесятники или кришнаиты — априори рассматривалась в его докладе как угроза национальной безопасности. Ёлкин требовал введения жесткого аудита, ограничений на иностранное финансирование и полной прозрачности списков членов.

Здесь прослеживалась четкая, недвусмысленная параллель с логикой, которая в России была юридически оформлена Федеральным законом №18 от 10 января 2006 года (о внесении изменений в ряд актов, усиливших контроль за НКО), вступившим в силу 18 апреля 2006 года. В этой оптике религиозные меньшинства были представлены не как группы людей, ищущих духовного спасения, а как «пятая колонна», шпионская сеть, требующая не диалога, а контрразведывательного подхода.

Глубокий анализ рижского семинара был бы неполным и поверхностным без учета широкого геополитического контекста. События в отеле «Исландия» не были изолированным, сугубо локальным феноменом, возникшим в вакууме. Напротив, они представляли собой проекцию процессов, запущенных в Москве. 2006 год — это год основания Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) под бессменным руководством Александра Дворкина. Удивительная, почти день в день синхронность этих событий — февральское создание РАЦИРС в Москве и последующая бурная активизация Никифорова и Ёлкина в Риге во второй половине года — не может быть простым совпадением.

Лингвистический и смысловой анализ речи Ёлкина, а также многочисленных публикаций Никифорова того периода демонстрирует поразительное, текстуальное сходство с работами Дворкина, в частности с его фундаментальным трудом «Сектоведение». Весь терминологический аппарат — «тоталитарная секта», «промывка мозгов», «духовная безопасность», «биологическая безопасность нации» — а также структура аргументации и типология врагов являются прямой калькой с московских методичек. Рига фактически стала первым зарубежным полигоном, тестовой площадкой, где обкатывалась «франшиза» РАЦИРС. Латвийские активисты не изобретали велосипед и не искали свой путь; они импортировали готовую идеологическую

матрицу «под ключ», адаптируя её к местным реалиям лишь косметически, переводя термины на латышский язык, но сохраняя их репрессивную суть.

Подключение Латвии к информационному и дискурсивному контуру РАЦИРС было не формально-бюрократическим, а глубоко идеологическим и методологическим. Концепция Дворкина предлагала универсальный язык ненависти, удобно упакованный в псевдонаучную и псевдоправовую оболочку. Для Никифорова и Ёлкина эта связь была жизненно необходима: Москва давала теоретическую базу, тонны литературы, статус и чувство причастности к большому международному движению. Для Москвы же Рига могла рассматриваться как стратегически важный плацдарм внутри Европейского союза, легитимизирующий российскую модель борьбы с инакомыслием как якобы международную практику.

Почему эта жесткая, конфронтационная риторика нашла отклик именно в 2006 году, в разгар экономического процветания? Контекст времени играл на руку организаторам. Европа начинала ощущать первые толчки кризиса идентичности, дискуссии о мультикультурализме становились всё острее. В России в 2006 году оформлялся и публично артикулировался разворот к концепции «суверенной демократии» с сопутствующим закручиванием гаек в отношении гражданского общества. В Латвии, обществе посттравматическом, пережившем десятилетия оккупации и насильственной ассимиляции, страх перед потерей национальной идентичности был и остается мощнейшим подсознательным фактором.

Никифоров и Ёлкин виртуозно, с широким расчетом сыграли на этих глубинных страхах, проведя блестящую операцию по «секьюритизации» религии. В современной политологии этот термин означает процесс, при котором обычная политическая или социальная проблема искусственно переводится в разряд экзистенциальных угроз безопасности, что оправдывает применение чрезвычайных мер и отказ от демократических процедур. На семинаре в отеле «Исландия» религия перестала быть интимным вопросом личного выбора, спасения души или семейной традиции. Она была перекодирована в вопрос физического выживания нации.

Секты в этой новой, пугающей парадигме предстали не как теологические оппоненты, с которыми можно спорить цитатами из Писания, а как бактериологическое оружие, угроза демографии, психике и государственности.

Организаторы предложили государству и обществу негласную сделку: мы, профессиональные антикультисты, обеспечим вам надежную идеологическую защиту от «чуждого влияния», а вы, государство, предоставите нам административный ресурс, доступ в школы и полицейские полномочия.

Традиционные конфессии Латвии, чувствуя нарастающую конкуренцию со стороны активных, мобильных и финансово независимых неопротестантских движений, молчаливо, а порой и вполне гласно, поддержали этот пакт, надеясь использовать Никифорова и Ёлкина как «ледокол» для зачистки религиозного рынка от нежелательных элементов. Именно тезисы, озвученные в тот прохладный день Виктором Ёлкиным и легитимизированные молчаливым присутствием профессора Никифорова, стали каркасом публичной повестки и самоописания организации «Антисект». Она будет официально зарегистрирована весной следующего, 2007 года, но ее дух, ее идеология и методы родились именно здесь, на острове Кипсала.

Семинар запустил сложный механизм, который уже невозможно было остановить: впереди были медийные кампании по демонизации меньшинств, попытки продвигать антикультовую повестку в образовательную среду (вокруг школ и вузов) как отдельное “направление угроз”, лоббирование дискриминационных поправок в законы и показательные рейды. В тот день в отеле «Исландия» была сформирована не просто очередная общественная организация, а действующий прототип парагосударственной структуры, претендующей на абсолютную монополию в сфере определения того, во что гражданам Латвии можно верить, а во что — преступно. И хотя не все амбициозные, тоталитарные по своей сути планы Ёлкина, вроде создания всесильной Межведомственной комиссии, были реализованы немедленно, вектор исторического движения был задан однозначно: от просвещения к подавлению, от дискуссии к контролю, от европейских ценностей к московским практикам «духовной безопасности».

Глава 3.

«Эксперты» без экспертизы. Триумvirат «Антисект»

В современной истории постсоветского пространства трудно найти более показательный пример конвергенции, казалось бы, несовместимых сфер общественной жизни, чем тот, который явила Латвия в середине второго десятилетия XXI века. Феномен антисектантского движения, зародившийся на руинах советского атеизма как реакция на бурный расцвет религиозного разнообразия девяностых, к 2018 году претерпел фундаментальную метаморфозу.

Борьба с так называемыми «деструктивными культами» перестала быть вопросом защиты душ прихожан и трансформировалась в изощренный инструмент дискредитации оппонентов, мобилизации электората и консолидации консервативных слоев общества в условиях геополитической турбулентности. Этот процесс не был стихийным. За его кристаллизацией стояла деятельность конкретной группы людей, чьи усилия, слившись воедино, образовали устойчивую структуру, которую в аналитических кругах принято называть триумvirатом «Антисект». Ключевыми фигурами этого альянса стали Олег Никифоров, Виктор Ёлкин и Светлана Крылова. Их совместная работа, формально заявленная как психологическая помощь жертвам манипуляций и просветительская деятельность, на деле приобрела отчетливые черты политического активизма, пересекавшегося с политическим полем вокруг партии «Латвийский русский союз» (Latvijas Krievu savienība, LKS) и структурами, близкими к церковной среде.

Для того чтобы понять, как психологические диагнозы стали подменять политические аргументы, а религиозная принадлежность превратилась в маркер лояльности государству, необходимо детально рассмотреть деятельность этого союза. Профессиональная траектория Олега Владимировича Никифорова представляет собой классический и во многом поучительный путь интеллигента, искавшего и нашедшего новую нишу в эпоху тектонических социальных сдвигов. Уроженец Риги, магистр педагогики, психолог — в 1994 году окончивший Латвийский университет по профильной психологической специальности —

долгие годы кропотливого труда потратил на создание репутации серьезного, вдумчивого ученого.

Его послужной список выглядел безупречно для внешнего наблюдателя: преподавание в Латвийском университете, работа в Рижском авиационном университете и Балтийской международной академии создавали необходимый ореол объективности и экспертности. В глазах общественности и государственных структур он был носителем знания, представителем академической науки, далекой от страстей уличной политики.

Однако за маской беспристрастного академического психолога скрывался идеолог нового типа, стремившийся осуществить дерзкий синтез светской науки с религиозной догматикой. Никифоров уловил ключевой тренд времени: в секулярном обществе прямая ссылка на религиозные каноны уже не работает как аргумент для ограничения прав других групп. Нельзя запретить организацию просто потому, что она «еретическая» — это противоречит конституционным принципам свободы совести. Но ее можно запретить или маргинализировать, если объявить ее «психологически опасной».

Возглавив «Латвийскую христианскую ассоциацию психологов», Никифоров начал методично продвигать тезис о том, что психологическое здоровье личности неразрывно связано с её конфессиональной принадлежностью к традиционным религиям, а любой выход за эти рамки является не духовным поиском, а формой патологии.

Именно этот тезис лег в фундамент созданного им в 2007 году «Латвийского комитета по борьбе с тоталитарными сектами» (известный как «Антисект», официально — L.C.C.T.S., или Latvian Committee for Combating Totalitarian Sects»). Название организации, звучащее весомо и официально, намеренно копировало стилистику государственных ведомств, хотя, по сути, это была общественная структура. Комитет, заявленный как правозащитная и просветительская инициатива, фактически стал монополистом в сфере определения «нормальности» религиозной жизни в регионе.

Никифоров, будучи сопредседателем и главным идеологом комитета, совершил лингвистическую революцию в антисектантском дискурсе. Он привнес в него наукообразную терминологию, заменившую средневековые проклятия. Это была гениальная по своей хладнокровности подмена. Она позволила вывести борьбу с альтернативной позицией из узкого церковного гетто в

широкое гражданское и правовое пространство. Теперь экспертное заключение психолога, написанное на бланке комитета, могло использоваться как аргумент для проверок, конфликтов с учреждениями и кампаний в прессе. Своим авторитетом он покрывал агрессивные действия соратников, превращая нападки на религиозные меньшинства в заботу о «ментальной гигиене» нации.

Виктор Ёлкин взял на себя роль «полевого командира», тарана и публичного лица движения. Психолог по образованию, магистр, получивший образование в МГУ имени М.В. Ломоносова (социальная психология, 2014), он специализировался на теме «социально-психологического насилия».

Парадокс заключался в том, что концепция защиты от насилия использовалась для оправдания насилия над личностью членов непопулярных групп. Под критерии «психологического насилия» Ёлкин мог подвести практически любую дисциплинарную практику внутри организации, неугодной комитету — от поста и молитв до десятины и волонтерства.

С 2004 года Ёлкин активно занимался тем, что эвфемистически называлось «консультированием родственников адептов». На практике эта деятельность часто означала участие в процессах, связанных с интенсивным психологическим давлением на личность с целью разрушения её новых убеждений и возврата к прежней модели мира. Ёлкин действовал на стыке психологии и оперативной работы, зачастую балансируя на грани уголовного кодекса.

Фигура Виктора Ёлкина важна прежде всего своей неразрывной, органической связью с политикой. Будучи активным членом партии «Русский союз Латвии» (LKS) он интегрировал антисектантскую повестку непосредственно в тело политической программы защиты русскоязычного населения Латвии. Ёлкин, занимавший посты в правлении и бюро партии, а также работавший помощником депутата Европарламента, использовал административные и медийные ресурсы партии для раскрутки темы «сектантской угрозы».

В его интерпретации борьба с сектами становилась неотъемлемой частью борьбы за сохранение культурной идентичности «Русского мира» и противостояния ассимиляции. Ёлкин совершил важный идеологический маневр: он политизировал религию. Секты в его публичных выступлениях подавались не просто как заблуждающиеся группы, а как инструменты западного влияния. Таким образом, работа в L.C.C.T.S. и членство в LKS для

Ёлкина не были двумя разными сферами деятельности, а представляли собой единый идеологический подход. Его статус помощника евродепутата придавал его заявлениям международный вес, позволяя транслировать локальные конфликты в более широкие публичные и международные дискуссии под соусом «защиты прав человека», где правами обладали только «традиционные» верующие.

Третьим, связующим звеном, обеспечивающим этому союзу глубинную устойчивость, стала Светлана Крылова. Хотя ее фигура может показаться менее заметной в академических кругах по сравнению с Никифоровым и менее публичной в большой политике, чем фигура Ёлкина, ее роль в триумvirате была критически важна. Она обеспечивала прямую коммуникацию и идеологическую синхронизацию с православной церковной средой Латвии.

В структуре антисектантского движения, где светские законы часто вступают в противоречие с религиозными интересами, жизненно необходим был человек-медиатор. Человек, способный переводить сложный язык психологии на понятный язык проповеди и наоборот. Крылова была именно таким активистом: в публикациях и интервью она фигурирует как представитель Латвийского комитета по борьбе с тоталитарными сектами. Она обладала способностью мобилизовать приходские сети, превращая пассивных верующих в активных участников общественных кампаний. Ее деятельность позволяла легитимизировать действия L.C.C.T.S. в глазах церковной общины.

Она выступала гарантом того, что сомнительные с точки зрения этики психологические эксперименты Никифорова и политический популизм Ёлкина не идут вразрез с интересами клира, а служат делу защиты Церкви. Крылова олицетворяла моральный авторитет и так называемый «глас народа». Когда комитету требовалось продемонстрировать «возмущение общественности» деятельностью какой-либо организации, именно через каналы Крыловой могли организовываться письма протеста, сборы подписей и пикеты. Она создавала иллюзию широкой поддержки снизу, что было крайне важно для политиков из LKS, стремившихся показать, что они выражают чаяния простых людей.

В триумvirате она отвечала за сакрализацию борьбы, превращая электоральный выбор или травлю конкурентов в акт исповедания веры. Кульминацией деятельности этого альянса, точкой, в которой все наработанные

годами технологии были пущены в ход с максимальной мощностью, стали события вокруг парламентских выборов 2018 года (выборы в Сейм Латвии).

Эти выборы проходили на фоне беспрецедентного обострения геополитической обстановки, последствий крымских событий 2014 года и внутренних этнических противоречий в Латвии, связанных с реформой образования и языковыми вопросами. Для партии LKS эти выборы были вопросом политического выживания. Партия, традиционно опирающаяся на протестный электорат русскоязычного меньшинства, чувствовала усталость своего избирателя. Старая повестка защиты школ и языка, хотя и оставалась актуальной, требовала эмоционального усиления, новых ярких красок, способных встряхнуть апатичную аудиторию.

Именно здесь пригодился инструментарий, наработанный в недрах L.C.C.T.S. В преддверии выборов 2018 года антисектантская риторика была искусно вплетена в ткань политической агитации. Технология заключалась в создании и нагнетании образа «осажденной крепости». Избирателю внушалось, что угроза русскому человеку в Латвии исходит не только от этнократического латышского истеблишмента, принимающего дискриминационные законы, но и от коварных внутренних врагов — «сектантов», которые, по версии идеологов движения, являлись агентами духовного разложения.

Конструировалась реальность, в которой внешний враг (НАТО, Запад, латышские националисты) объединялся с внутренним врагом (нетрадиционные религии) для уничтожения «культурного кода» и идентичности. Виктор Ёлкин, как член LKS и узнаваемое медийное лицо, активно использовал публикации и публичные выступления в медиа для трансляции этих идей.

Политический контекст 2018 года позволил превратить борьбу с сектами в универсальный маркер «свой-чужой». Любой политический оппонент, замеченный в связях с нетрадиционными религиозными группами, посещавший курсы йоги или просто высказывающий либеральные взгляды на свободу совести, рисковал немедленно получить клеймо «сектанта» или «пособника культов». Это был эффективный способ дискредитации конкурентов на «русском поле» (например, представителей партии «Согласие»), которых обвиняли в недостаточной твердости в защите традиционных ценностей.

Особую роль в этой кампании сыграла псевдонаучная база, подготовленная Олегом Никифоровым. В ходе предвыборной гонки использовались технологии

стигматизации через патологизацию. Конкурентов не просто критиковали за их экономические или социальные программы — их диагностировали. Им приписывали психическую нестабильность, зомбированность, зависимость от манипулятивных технологий, якобы свойственных тоталитарным культам. Это был качественно новый уровень политической борьбы, где оппонент дегуманизировался. Его позиция объявлялась не иным мнением, а результатом «промывки мозгов», что автоматически лишало его субъектности и права на диалог. Избирателю предлагалось не выбирать между программами, а выбирать между «здоровыми силами» (LKS) и «больными марионетками».

Совместная деятельность Никифорова, Ёлкина и Крыловой в этот период демонстрировала высочайшую степень координации, функционирующей с отточенной слаженностью. Никифоров обеспечивал теоретическое обоснование, публикуя «аналитические» статьи и давая комментарии о «психологической безопасности» в партийных газетах. Ёлкин реализовывал это на практике через партийные структуры LKS и свой статус помощника депутата Европарламента, позиционируя тему как «правозащитную».

Парадоксальным образом правозащитная риторика использовалась для оправдания ограничительных мер против меньшинств. Крылова, в свою очередь, работала «на земле», с консервативным ядром электората — пенсионерами, прихожанами, активистами русских общественных организаций. Она транслировала простую, но мощную идею: голосование за «правильных» кандидатов (представителей LKS) является религиозным долгом православного человека, защищающего свою веру и церковь от поругания иноверцами и сектантами.

Следует особо отметить, что использование антисектантской тематики как политического инструмента в 2018 году не было сугубо локальным латвийским феноменом. Это отражало общий, более широкий тренд в российском и пророссийском политическом поле того времени, где понятие «секта» размывалось до предела. Под это определение в пропагандистских целях начали попадать и вполне безобидные коммерческие организации, тренинги личностного роста, экологические движения, правозащитные НКО и оппозиционные политические группы. В риторике LKS и комитета L.C.C.T.S. прослеживалась четкая, недвусмысленная корреляция с российским государственным дискурсом, где «секта» стала фактическим синонимом «инострannого агента».

Уголовные дела, облавы и задержания руководителей религиозных общин в России в тот период создавали необходимый информационный фон, который Никифоров и Ёлкин умело проецировали на латвийскую действительность. Они запугивали избирателя возможным повторением сценариев духовной катастрофы и предлагали себя в качестве единственных защитников. Анализируя биографии и деятельность триумвирата, можно выделить три типа связей, цементирующих эту структуру и делающих ее столь эффективной.

Во-первых, это институциональная связь через L.C.C.T.S. Комитет стал легальной «крышей», юридическим лицом, позволяющим вести деятельность в правовом поле, получать гранты и взаимодействовать с государством. Во-вторых, это идеологическое сближение, основанное на общих религиозных ценностях и стремлении к сохранению культурных традиций. Эта идеология объединяла научный атеизм прошлого с религиозным рвением настоящего в странный, но прочный сплав. В-третьих, это прагматическая политическая связь через партию LKS, которая предоставляла трибуну, медийные ресурсы и доступ к электорату. В этой схеме каждый играл свою уникальную роль.

Образ врага-сектанта, тщательно сконструированный Никифоровым и Ёлкиным, оказался универсальным пугалом. Он позволял канализировать социальное недовольство, экономическую тревогу и страхи населения перед будущим в нужное русло. Не нужно было объяснять сложность экономических реформ или геополитических раскладов — достаточно было указать на «врага», который хочет забрать вашу душу и душу ваших детей. Это наглядный пример того, как легко высокие понятия духовности и науки могут быть поставлены на службу вполне земным и корыстным интересам борьбы за власть, как благородные лозунги о защите семьи и духовности могут стать прикрытием для построения авторитарной микромодеи внутри демократического общества.

В этой системе координат диагноз ставится оппоненту вместо аргумента в споре, а научная степень используется как дубина для подавления инакомыслия. LKS и аффилированные с ней структуры создали прецедент, когда религиозная и психологическая идентичность человека стала предметом политических спекуляций. Урок, который преподали Никифоров, Ёлкин и Крылова, выходит далеко за пределы конкретной избирательной кампании. Они показали, что страх перед неизвестным и желание найти простых виноватых в сложных проблемах остаются мощнейшими рычагами управления массовым сознанием.

И когда на эти рычаги нажимают профессионалы, общество оказывается практически беззащитным перед лицом новой радикальной формы давления.

В этой сложной и многоуровневой структуре политического давления и социальных репрессий, выстраиваемой в современном пространстве, физическое принуждение или административный запрет редко применяются без тщательной предварительной подготовки общественного сознания. Для того чтобы репрессивный аппарат, запущенный политическими амбициями таких структур, как «Русский союз Латвии» (LKS), и клерикальными интересами доминирующей конфессии, мог функционировать, сохраняя видимость законности и цивилизованности, необходима непробиваемая оболочка объективной, светской обоснованности.

Именно здесь на авансцену выходит феномен эпистемологического насилия, виртуозно реализуемый через деятельность антисектантского триумvirата. Узурпация права на истину, осуществляемая группой лиц без профильной академической подготовки в сфере религиоведения, становится тем ключевым шарниром, на котором беззвучно поворачивается массивная дверь от конституционной свободы совести к преследованию свободомыслия. Фундаментальный парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что судьбоносные судебные решения, ломающие жизни конкретных людей, разрушающие семьи и приводящие к ликвидации законопослушных религиозных организаций, базируются не на строгом правовом анализе фактов и, что еще важнее, не на фундаментальной религиоведческой экспертизе, призванной изучать верования в их историческом, теологическом и социальном контексте. Напротив, фундаментом для юридических вердиктов становятся субъективные, спекулятивные психологические конструкции, создаваемые узкой группой лиц, чья компетентность в вопросах религии является не столько доказанным фактом, сколько тщательно сконструированным и поддерживаемым мифом.

При ближайшем, критическом рассмотрении академическая траектория Никифорова обнаруживает фатальные разрывы, абсолютно несовместимые с ролью ведущего эксперта по новым религиозным движениям. Базовое образование Никифорова, полученное в Даугавпилсском педагогическом институте, лежит в области биологии и химии. Лишь впоследствии его профессиональный путь свернул в сторону психологии. При этом в его внушительном на первый взгляд академическом багаже полностью, тотально

отсутствует профильное образование в области религиоведения, академической теологии или социологии религии. Это не просто пробел в дипломе, это фундаментальный изъян оптики: Никифоров подходит к сложнейшим, тончайшим феноменам духовной жизни и социального выбора с инструментарием, унаследованным из биологии и клинической психологии, что неизбежно приводит к грубейшему редукционизму. Для такого исследователя религия, отличная от привычной культурной нормы, — это не форма социального бытия, не результат духовного поиска и не экзистенциальный выбор. Но еще более вопиющим, чем отсутствие профильного образования, является институциональный конфликт интересов, заложенный в самой структуре его карьеры и публичной деятельности.

Являясь преподавателем Рижской духовной семинарии — учебного заведения, чьей прямой задачей является подготовка кадров для Русской Православной Церкви, — и возглавляя Латвийскую христианскую ассоциацию психологов, Никифоров де-факто находится в конфессионально маркированной профессиональной позиции. Когда такой человек выступает в суде в качестве «независимого светского эксперта», оценивающего деятельность пятидесятников, баптистов или кришнаитов, мы сталкиваемся с ситуацией, абсурдность которой сравнима с тем, если бы один из игроков футбольного матча внезапно надел форму судьи и начал раздавать красные карточки игрокам команды соперника. В этой конфигурации его экспертные заключения перестают быть научными документами и превращаются в теологическую полемику, хитроумно замаскированную под клинический диагноз.

Как и в случае со старшим коллегой, компетенции Ёлкина лежат целиком и полностью вне плоскости научного изучения религии. Он позиционирует себя как эксперт по «социально-психологическому насилию» — термину, который в его вольной интерпретации приобретает свойства «резиновой дубинки», способной поразить любую цель. Под определение «насилия» с легкостью подводится любая активная миссионерская деятельность, строгая внутригрупповая этика, дисциплина поста или молитвы, а также высокая эмоциональная вовлеченность адептов, характерная для большинства религиозных меньшинств и движений пробуждения. Позиционирование Ёлкина строится на фундаментальной логической и методологической ошибке: он берется судить о природе сложных социальных институтов, коими являются религиозные общины, используя ограниченный инструментарий

индивидуальной терапии и травматологии. Психолог, работающий с личностью, не обладает методологией для оценки социологических процессов формирования общины, групповой динамики и исторического развития догматики.

Однако именно это несоответствие, эта профессиональная слепота, позволяет Ёлкину и его коллегам делать выводы космического масштаба на основании единичных, часто эмоционально окрашенных жалоб бывших участников или их родственников. Они сводят сложные, многогранные духовные и социальные феномены к примитивным, черно-белым схемам «манипулятор — жертва», полностью игнорируя субъектность верующих, их рациональный выбор и свободу воли. Критический анализ деятельности L.C.C.T.S. был бы неполным и односторонним без учета голоса гражданского общества, которое стало непосредственной мишенью этих псевдонаучных экспериментов. Наиболее точно, емко и смело суть проблемы сформулировал латвийский публицист и общественный деятель Эрвинс Якобсонс (Ervīns Jākabsons). В своем расследовании (Uzmanību – antisektanti, в переводе на русский «Внимание – противники сектантства!»), ставшем знаковым для понимания ситуации, он вскрывает глубокую идеологическую, а не научную подоплеку действий триумvirата.

Анализируя активность «антисектантов», Якобсонс выдвигает центральный аргумент: под катком репрессивной машины, управляемой экспертными заключениями L.C.C.T.S., оказываются вовсе не маргинальные, криминальные группы или эзотерические культы смерти, как это декларируется в пугающих репортажах медиа, а законопослушные, исторически укорененные христианские конфессии, чья вина заключается лишь в их активности и независимости от РПЦ. Якобсонс указывает на вопиющую неразборчивость этих «экспертов», для которых любой отход от православного или строго лютеранского канона, любая живость веры автоматически становится признаком сектантства и опасности. В его анализе звучит ключевая мысль, ставшая приговором профессиональной репутации L.C.C.T.S.: *«Официально заявленная цель организации — борьба с деструктивными сектами — не вызывала бы насмешек, если бы она действительно боролась с опасными сектами и культами. Однако «Антисект», хотя и позиционирует себя как профессиональная организация, совершенно не способна отличить деструктивные культы от христианских движений и общин, которые*

приняты в мире, но менее распространены в Латвии и чья деятельность безвредна». Эта жесткая формулировка является квинтэссенцией проблемы. Она подчеркивает, что Никифоров и Ёлкин действуют не в парадигме защиты прав граждан или общественного здоровья, а в парадигме жесткой защиты рынка религиозных услуг для доминирующей церкви и зачистки политического поля. Маркируя протестантские церкви — пятидесятников, харизматов, баптистов, — которые во всем цивилизованном мире являются уважаемой частью религиозного мейнстрима, как «деструктивные культы», они выполняют вполне конкретный идеологический заказ.

Якобсонс справедливо отмечает, что такая деятельность не имеет ничего общего с наукой; это чистой воды идеологическая борьба, где псевдонаучный ярлык «секта» используется как стигма для дискредитации конкурентов. Для «Антисекта» не существует разницы между реальной криминальной опасностью и просто «другой» верой, и именно эта избирательная слепота выдает в них идеологических солдат, а не беспристрастных исследователей. Этот вывод находит мощное, неопровержимое подтверждение при помещении деятельности латвийского триумvirата в широкий контекст мировой академической науки. Методологический фундамент, на котором Никифоров и Ёлкин строят свои грозные экспертизы, базируется на концепциях «промыывания мозгов» (brainwashing) и «зомбирования».

Однако необходимо чётко осознавать: в современном академическом научном сообществе эти теории не признаются валидными научными моделями. Еще в конце XX века Американская психологическая ассоциация (АРА) — наиболее авторитетное и влиятельное объединение психологов в мире — официально отказалась признать теорию «промыывания мозгов» научно обоснованной. В частности, доклад рабочей группы под руководством Маргарет Сингер не был принят АРА именно по причине методологической несостоятельности и отсутствия воспроизводимых доказательств. Был вынесен вердикт об отсутствии эмпирических доказательств того, что религиозное обращение может происходить помимо воли человека под воздействием неких таинственных «психотехник», якобы подавляющих личность. Мировая наука признала, что человек — существо, обладающее свободой воли, и выбор религии, даже самой экзотической, является актом этой воли, а не результатом гипноза.

Современная социология религии, представленная именами таких мэтров, как Айлин Баркер (Eileen Vartan Barker) или Массимо Интровинье (Massimo

Introvigne), а на постсоветском пространстве — авторитетной школой И.Я. Кантерова и Е.С. Элбакян, однозначно классифицирует воинствующий «антикультизм» (к которому идеологически принадлежит L.C.C.T.S.) не как научную дисциплину, а как специфическую секулярную религию или идеологию нетерпимости. Современная наука оперирует нейтральными терминами «новые религиозные движения», изучает динамику конверсии, социализацию, но категорически отвергает примитивный детерминизм, который проповедуют Никифоров и Ёлкин. Тот факт, что латвийские «эксперты» в своих документах, лежащих на стол судьям, продолжают на полном серьезе использовать дискредитированную, популистскую риторику 1970-х годов о «зомбировании», свидетельствует об их нахождении в глубоком, герметичном академическом вакууме.

Их теории не проходят верификацию в научном сообществе, не публикуются в рецензируемых международных журналах с высоким импакт-фактором (за пределами узкоконфессиональных или «карманных» изданий), но они идеально, как влитые, подходят для нужд "карательной" психиатрии и репрессивного судопроизводства. Разрыв между мировой наукой, признающей субъектность и рациональность религиозного выбора, и практикой L.C.C.T.S., сводящей веру к гипнозу и болезни, демонстрирует, что мы имеем дело с научной имитацией. Отсутствие профильной религиоведческой экспертизы является не досадным упущением, не случайным пробелом в образовании и не «багом» системы. Напротив, это её важнейшая функциональная характеристика, её несущая конструкция. Именно вопиющая некомпетентность в строгом академическом религиоведении развязывает им руки для выполнения заказа.

Настоящий ученый-религиовед, скованный профессиональной этикой, знанием методологии и исторического контекста, никогда не смог бы подписать заключение, приравнивающее добровольное молитвенное собрание к акту психологического насилия, а пожертвование десятины — к финансовой махинации. Ученый видит сложность; идеолог видит врага. Деятельность Никифорова, Ёлкина и примкнувшей к ним Крыловой представляет собой создание параллельной эпистемологической реальности. В этой искусственно созданной реальности, под маской «европейской независимой экспертизы», скрывается отлаженный процесс подавления альтернативного мнения. Этот механизм не исследует объективную действительность, а формирует, лепит образ врага, необходимый для мобилизации электората и оправдания

полицейских мер. «Эксперты» без экспертизы оказываются идеальным, незаменимым инструментом, где наука окончательно превращается в безмолвную служанку идеологии. Отсутствие профессионализма, на которое так прозорливо указывал Якобсонс, с лихвой компенсируется политической лояльностью и готовностью выполнять грязную работу по зачистке духовного пространства, что делает эту группу ключевым элементом в структуре авторитарного контроля над обществом.

В переплетении риторики защиты прав человека, агрессивной критики латышского национализма и специфической психологической обработки, практикуемой аффилированными организациями, кроется ключ к пониманию роли LKS как инструмента «мягкой силы» на балтийском направлении. Идеологический фундамент партии «Латвийский русский союз» исторически выстраивался вокруг концепции экзистенциальной угрозы. С момента своей трансформации из объединения ЗаПЧЕЛ в самостоятельную политическую единицу, партия последовательно культивировала среди своего электората чувство осажденной крепости. Центральным элементом этой конструкции стала защита русского языка, который в риторике партийных лидеров выступает не просто как средство коммуникации, но как сакральный маркер идентичности, подвергающийся систематическому уничтожению.

Критика латышского национализма в исполнении спикеров LKS неизменно выходит за рамки дискуссии о правах меньшинств, приобретая черты геополитической лояльности соседнему государству. Партия не просто оппонирует реформам образования или языковым квотам; она транслирует нарратив о том, что латвийская государственность в ее нынешнем виде является исторической ошибкой или, как минимум, несправедливостью по отношению к «русскому миру». Эта позиция подкрепляется явной, нескрываемой пророссийской ориентацией и поддержанием тесных контактов с российскими политическими структурами, включая организации и движения, ассоциируемые с концепцией «русского мира», в том числе «Русское единство». Таким образом, идеология LKS формирует у своего избирателя устойчивое отторжение интеграционных процессов, предлагая взамен альтернативную реальность, где Латвия рассматривается исключительно через призму интересов восточного соседа. В этом идейном контексте становится более понятным характер взаимодействия руководства «Антисекта» с лидером LKS — Андреем Мамыкиным, которое носило характер стратегического партнерства.

Понимание этой глубокой взаимосвязи является абсолютно необходимым пререквизитом для анализа событий 2018 года. Без этого контекста любой эпизод их совместной активности может показаться рядовым мероприятием. Однако, зная, что Виктор Ёлкин сидит в совете партии, от которой баллотируется Мамыкин, и зная, что «Антисект» использует свою платформу для продвижения специфических социальных страхов, мы можем совершенно иначе взглянуть на хронологию их публичных появлений. Это подводит нас к необходимости детального разбора конкретного исторического момента, который стал своеобразной публичной манифестацией этого альянса.

Глава 4.

Рига–2018: Конференция, которой «не было»

Первая суббота июня 2018 года в Риге выдалась на редкость спокойной, но за дверями одного из конференц-залов латвийской столицы воздух был наэлектризован напряжением. Здесь, вдали от посторонних глаз и случайных прохожих, разворачивалось действие, которое впоследствии назовут одним из самых загадочных событий в новейшей истории европейского антикультизма. Конференция FECRIS, официально заявленная как просветительское мероприятие под эгидой Латвийского комитета по борьбе с тоталитарными сектами (L.C.C.T.S.), на деле оказалась собранием, окутанным плотной завесой.

Если сегодня, спустя годы, попытаться восстановить хронологию того дня, исследователь столкнется с парадоксальным информационным вакуумом. В эпоху цифровой прозрачности, когда любое, даже самое незначительное мероприятие, оставляет за собой шлейф из статей, информации о событии, фотографий, хештегов и геометок, рижская встреча FECRIS выглядит совсем как малозначимая встреча. Наличие минимального количества информации кажется не просто случайностью, а сознательной стратегией «чистоты» информационного поля, призванной скрыть истинный масштаб и состав участников встречи. Отсутствие развернутого публичного отчёта и минимальное количество доступных упоминаний трудно объяснить лишь случайностью; скорее, это свидетельствует о сознательном стремлении ограничить внешнее информационное присутствие мероприятия.

Единственным надежным источником, проливающим свет на происходившее внутри, стал внутренний документ французской организации UNADFI (Union Nationale des Associations de Défense des Familles et de l'Individu, или Национальный союз ассоциаций защиты семьи и личности) — отчет, который, словно случайная утечка, позволяет нам заглянуть за кулисы. Именно благодаря этим скупым, но содержательным строкам мы можем реконструировать картину того дня и, что более важно, понять, кто именно и с какой целью собрался в Риге. Тон мероприятию задал человек, чье имя сегодня вызывает в Латвии совсем иные ассоциации, нежели борьба за духовную безопасность. Открывал конференцию Андрей Мамыкин — на тот момент респектабельный член Европейского парламента от группы Прогрессивного альянса социалистов и демократов.

В своей вступительной речи он уверенно говорил о необходимости диалога с религиозными организациями, ссылаясь на статью 17 Договора о ЕС. Однако его риторика быстро сменила вектор: Мамыкин сетовал на отсутствие у Европы «сильного инструмента» для борьбы с тем, что он называл сектантством, и расточал похвалы FECRIS как единственной силе, способной противостоять этой угрозе. Глядя на эту сцену из сегодняшнего дня, невозможно отделаться от чувства зловещей иронии: человек, призывавший к ужесточению контроля над инакомыслием ради «безопасности», спустя всего несколько лет окажется в международном розыске за оправдание военных преступлений и поддержку агрессии против Украины. Этот факт бросает тень на всё собрание: если организатор и идеолог встречи оказался по ту сторону закона и морали цивилизованного мира, то какова была истинная природа идей, обсуждавшийся под его патронажем? О чем на самом деле они договаривались в кулуарах рижского отеля?

После вступления слово взяли «полевые командиры» антикультового движения. Олег Никифоров, как сопредседатель и основатель принимающей стороны, выполнил роль хозяина, приветствуя гостей. Но настоящим модератором идеологического вектора стала Даниэль Мюллер-Тулли из Швейцарии (Danièle Muller-Tulli), президент FECRIS. Ее присутствие подчеркивало высокий статус мероприятия: Рига была выбрана не как периферия, а как центральный плацдарм. Повестка дня, скрытая за безобидным названием «Образование перед лицом сект» (на языке бюллетеня именуется, как *L'éducation face aux sectes*), на поверку оказалась детальным разбором методов

идеологической борьбы и лоббирования ограничительных мер в образовании. Одним из ключевых спикеров стала Светлана Крылова. Ее доклад был посвящен программе реабилитации бывших адептов. Однако за профессиональной терминологией скрывались пугающие обобщения. Крылова рисовала мрачную картину, упоминая случаи суицида молодых людей, якобы завербованных через интернет, и акцентировала внимание на «проблемных психологических группах» и тренингах личностного роста. В ее интерпретации практически любая нетрадиционная духовная или психологическая практика могла быть классифицирована как угроза, требующая вмешательства специалистов — разумеется, аффилированных с ее структурой.

Особую тревогу в ее словах вызывал тезис о том, что латвийские власти и семьи не обладают информацией, и поэтому Министерство образования Латвии вынуждено было «обратиться за помощью к Европе». Это звучало не как просьба о методической поддержке, а как признание сдачи суверенитета в вопросах духовного образования внешним кураторам. И вот, под видом заботы о «безопасности», под лозунгом «единого европейского стандарта» в страну тихо прокрадывается чужое право определять, что можно читать, во что можно верить, кого можно любить. Конечно, в эпоху, когда каждый клик в интернете оставляет след, важно знать, что транслируется в наших семьях и обществе, но также важно понимать, что тот, кто сегодня монопольно владеет ярлыком «секта», завтра присвоит себе право на «истину». А за этим ярлыком уже стоят конкретные счета, гранты, индексы влияния — и чужие голоса, готовые переписать наше прошлое и продать наше будущее.

География участников наглядно демонстрировала масштаб координации. Из Франции прибыл Люсьен Бувье де Кашар (Lucienne Bouvier de Cachard), президент организации «Сектицид», или Senticide. Уже одно название этой структуры отражает её жёстко выраженную антикультовую идентичность. В своем докладе он рассуждал об «образовании с учетом рисков Новой Эры», ставя вопрос ребром: какую модель общества мы хотим для Европы? Ответ подразумевался сам собой: модель, очищенную от «неправильных» духовных влияний.

Его поддерживала коллега из государственного аппарата Германии — Мириам Видеманн (Mirijam Wiedemann), представлявшая Министерство образования, молодежи и спорта земли Баден-Вюртемберг. Ее выступление касалось пределов государственного образовательного мандата перед лицом

религиозного плюрализма. Присутствие действующего чиновника немецкого министерства придавало собранию легитимность, но в то же время вызывало вопросы: насколько этично представителю государства участвовать в мероприятии столь закрытого и идеологически окрашенного характера?

Особое место в программе заняла атака на альтернативные педагогические системы. Грегуар Перра из Франции (Grégoire Perre) обрушился с жесткой критикой на вальдорфские школы Рудольфа Штайнера. Его доклад был не просто критикой методики, а настоящим обвинительным актом. Перра утверждал, что эти школы, пользуясь уязвимостью детей с проблемами в обучении или поведении, фактически занимаются индоктринацией. Он описывал внутреннюю жизнь вальдорфских школ как царство лаксизма, насилия и скрытого эзотерического влияния, где педагогическая несостоятельность маскируется под «развитие личности». Такая фокусировка на конкретной образовательной системе, имеющей долгую историю в Европе, выглядела как отработка конкретного заказа на дискредитацию конкурентов государственной школьной системы.

Связку между общественными активистами и государственным аппаратом подавления олицетворяла Лоранс Пейрон (Laurence Peyron), советник по образованию из французской межминистерской миссии MIVILUDES. Это уникальная для Европы структура — государственный орган, созданный специально для «бдительности и борьбы с сектантскими отклонениями». Пейрон прямо заявила о наступлении «эры благополучия» (well-being) в образовании, которое она расценивала как угрозу. Медитация, эннеаграммы, ненасильственное общение — все эти практики, проникающие в школы, были названы ею потенциальными каналами сектантского влияния, что фактически расширяло поле подозрения до любых форм альтернативной педагогики и психологии. По сути, французская чиновница транслировала идею тотальной подозрительности: любой учитель, решивший провести с детьми минуту тишины или упражнение на снятие стресса, мог оказаться под прицелом как потенциальный вербовщик.

Российский вектор на конференции был представлен Артемом Григоряном. Его участие было стратегически важным для создания образа «врага» на Востоке. Григорян, представленный как бывший член Вефиля Свидетелей Иеговы в России, делился историей о том, как организация якобы препятствовала получению высшего образования. В контексте жестких

репрессий против Свидетелей Иеговы в России, начавшихся годом ранее (запрет организации в 2017 году), выступление Григоряна в Риге выглядело как идеологическое обоснование и экспорт российских методов борьбы с религиозными меньшинствами на европейскую почву. Это был живой пример того, как нарративы, сформированные в условиях авторитарного давления, интегрируются в европейский дискурс под видом защиты прав человека. Однако список участников не ограничивался лишь европейцами и представителями постсоветского пространства.

На конференции присутствовал «десант» западных экспертов, чьи имена хорошо известны в кругах депрограмматоров. Из Великобритании прибыл Джон Атак (Jon Atack), представивший проект OpenMinds Foundation. Вместе с ним выступал Юваль Лаор из США (Yuval Laor). Их повестка смещала фокус с юридических аспектов на психологические. Лаор представил теорию «страха и рвения», пытаясь дать наукообразное объяснение механизмам религиозной веры как патологии или результата манипуляции. Это был тонкий ход: если веру нельзя запретить законом, ее можно патологизировать, объявив результатом «интенсивного эмоционального опыта», требующего лечения. В зале также находились представители специализированных организаций из других стран, создавая ощущение широкого международного фронта. Керстин Вандерпут из Бельгии (Kerstine Vanderput), директор Центра информации и рекомендаций по вредным сектантским организациям (CIAOSN), говорила о «виртуальной угрозе» и необходимости новых критериев для оценки вредоносности групп.

Ее голландская коллега Карин Крийнен (Karin Krijnen), директор SektenSignaal (смешанной частно-государственной организации), делилась опытом работы «горячих линий» и расследований внутри закрытых групп. Испанский психолог Мигель Перладо (Miguel Perlado), президент AIPAR (La Asociación Iberoamericana para la Investigación del Abuso Psicológico), расширил список угроз, включив в него католические движения (Опус Деи, Легионеры Христа) и группы личностного роста, якобы проникающие в испанские школы. Атмосфера секретности, окружавшая эту встречу, становится понятной, если проанализировать состав участников и содержание докладов. Это не было научным симпозиумом, где сталкиваются разные точки зрения. Это был совет единомышленников, вырабатывающих единую стратегию нападения. Присутствие действующих чиновников (Пейрон, Видеманн) рядом с радикальными критиками религий и бывшими адептами создавало опасный

симбиоз. Отсутствие фотографий и широкой огласки, вероятно, было продиктовано желанием избежать публичных протестов и неудобных вопросов со стороны правозащитников. Ведь то, что обсуждалось за закрытыми дверями в Риге — ограничение религиозного плюрализма, патологизация веры, создание механизмов государственного контроля над духовной жизнью граждан — вряд ли нашло бы понимание у широкой европейской общественности, привыкшей считать свободу совести незыблемой ценностью. Заседание правления FECRIS, состоявшееся накануне, 1 июня, где присутствовал Дэвид Кларк (David Clark), представитель федерации в ООН, лишь подтверждает серьезность намерений. Рига стала местом собрания, где локальные инициативы по борьбе с «инакомыслием» пытались сшить в единую международную сеть. И фигура Андрея Мамыкина, открывавшего эту встречу, служит красноречивым символом того пути, по которому может повести общество подобная «защита».

История современной Латвии знает немало примеров политического приспособления к меняющимся условиям, однако кейс Андрея Мамыкина стоит особняком по масштабу трансформации. За неполные десять лет этот человек прошел путь от одного из самых популярных тележурналистов страны и уважаемого депутата Европейского парламента до международного беглеца, скрывающегося от правосудия. Для понимания феномена Мамыкина необходимо обратиться к истокам его формирования как личности и профессионала. Андрей Владимирович Мамыкин родился 11 марта 1976 года в Ленинграде — городе, обладающем мощным символическим значением в советской и постсоветской мифологии.

Переезд в Ригу в раннем возрасте не разорвал его ментальной связи с «культурной столицей» империи. Напротив, ленинградское происхождение впоследствии станет важным элементом его самоидентификации и скрытым маркером для пророссийской аудитории, позволяющим позиционировать себя как носителя «высокой русской культуры» в противовес национальным устремлениям латышей. Ключевую роль в оттачивании навыков работы со словом сыграло его образование. Мамыкин окончил филологический факультет Латвийского университета. Глубокое академическое погружение в структуру языка и литературы дало ему в руки мощный инструмент. Он научился не просто говорить, а конструировать смыслы, подменять понятия и виртуозно играть на эмоциональных струнах аудитории. Филологический бэкграунд позволил ему впоследствии упаковывать агрессивную пропаганду в обертку интеллектуальной

рефлексии о «культурных кодах» и «защите русского языка», что делало его риторику особенно опасной и привлекательной для интеллигентной части русскоязычного электората. Журналистская карьера, начавшаяся в 1996 году, стала полигоном для отработки этих навыков. Работа в печатных изданиях «SM», «Час» и «Суббота» заложила основу его узнаваемости, но настоящий прорыв произошел с приходом на телевидение. В период до 2014 года Мамыкин стал лицом программы «Без цензуры» на телеканале TV5.

Это шоу было не просто информационным продуктом, а мощным социально-политическим явлением в жизни русскоязычной Латвии. Именно в студии TV5 был сконструирован публичный образ Андрея Мамыкина — бескомпромиссного «борца за правду», защитника угнетенных и единственного человека, готового говорить о неудобных вещах. Он мастерски использовал формат ток-шоу для поляризации мнений, часто стравливая гостей и создавая атмосферу скандала, которая неизменно конвертировалась в высокие рейтинги. Уже тогда в его работе прослеживались элементы манипуляции: выборочная подача фактов, эмоциональное накручивание зрителя и постоянное педалирование темы дискриминации русскоязычного меньшинства. Медийная узнаваемость стала тем трамплином, который позволил журналисту перепрыгнуть в кресло европейского политика, унеся с собой багаж популизма и умение управлять общественным мнением.

Вхождение Андрея Мамыкина в большую политику в 2014 году выглядело как логичное продолжение его общественной деятельности. Избрание в Европейский парламент по спискам социал-демократической партии «Согласие» (Saskaņa) должно было, казалось бы, интегрировать его в системное поле латвийской политики. Однако именно брюссельский период стал временем начала его стремительного отчуждения от интересов Латвии и дрейфа в сторону радикальной пророссийской повестки.

Важно сделать необходимое уточнение: говоря о современной России в этом контексте, как сейчас (а также ранее и далее), мы ни в коем случае не ставим знак равенства между всеми жителями страны и антикультистами. Когда речь идет о пророссийской повестке или российском экспорте идеологии, мы анализируем действия конкретных государственных институтов, связанных с ними общественных структур и пропагандистов. В России, как и в любой другой стране, существует огромное разнообразие мнений, и многие граждане с ужасом наблюдают за тем, как их страна превращается в осажденную крепость. Однако

предметом нашего анализа является именно тот институт, который монополизировал право на истину и активно экспортирует свои репрессивные практики.

Работа в Европарламенте (2014–2019) вскрыла истинные амбиции Мамыкина. Очень скоро стало очевидно, что партийная дисциплина и умеренная, направленная на интеграцию линия «Согласия» тяготят новоиспеченного евродепутата. Он начал вести собственную игру, зачастую идущую вразрез с позицией фракции и интересами делегировавшей его партии. Конфликты с руководством «Согласия», в частности с Нилом Ушаковым (Nils Ušakovs), стали публичными и регулярными. Мамыкин использовал трибуну Европарламента не для решения насущных проблем своих избирателей, а для самопиара и озвучивания тезисов, которые все чаще резонировали с внешнеполитическими установками Москвы. Статус депутата ЕП стал для него идеальным прикрытием: он давал широкую свободу публичных высказываний, неприкосновенность и, что самое важное, легитимную международную площадку для трансляции антилатвийских нарративов под видом «правозащитной деятельности».

Особого внимания в контексте анализа его связей с российскими структурами влияния заслуживает эпизод 2018 года — участие в конференции FECRIS. На первый взгляд, это событие кажется малозначительным эпизодом биографии, однако при детальном рассмотрении оно вскрывает глубокие связи с российским идеологическим аппаратом. Организация FECRIS на протяжении многих лет подвергается критике со стороны правозащитников и академических исследователей за идеологическую ангажированность, тесные связи с Русской православной церковью и сотрудничество с государственными структурами Российской Федерации в сфере борьбы с религиозным и мировоззренческим инакомыслием. Участие латвийского политика в мероприятии такого формата, его выступления в унисон с представителями, аффилированными с российскими центрами «духовной безопасности», свидетельствуют о том, что к 2018 году Мамыкин уже был глубоко интегрирован в сеть российского «мягкого влияния». Выступая на этой площадке, он фактически легитимизировал российские нарративы о «духовных угрозах» Запада и необходимости защиты «традиционных ценностей» — тезисы, которые спустя несколько лет станут идеологическим обоснованием для военной агрессии. Это был момент синхронизации его личной риторики с глобальной стратегией Кремля. После

окончания срока полномочий в Европарламенте (2019) Мамыкин остался активным политиком. Он продолжал работать в «Латвийском русском союзе», выступал на митингах, давал интервью. Но с каждым годом его риторика становилась всё более радикальной. Он всё чаще критиковал «латышский национализм». Он всё чаще защищал действия России на международной арене. Он всё чаще появлялся в эфирах российских телеканалов.

Для многих это было тревожным знаком, но Латвия — демократическая страна и свобода слова защищена конституцией. Мамыкин имел право на свою точку зрения, даже если она была непопулярной. Всё изменилось 24 февраля 2022 года. Когда Россия начала полномасштабное вторжение в Украину, мир раскололся. Подавляющее большинство стран осудило агрессию. Латвия, как член ЕС и НАТО, немедленно встала на сторону Украины. И тут Мамыкину нужно было сделать выбор. Он остался в Латвии, но стал открыто поддерживать российское вторжение. 21 сентября 2023 года состоялся эфир программы «Вечер с Владимиром Соловьёвым» на телеканале «Россия-1». В студии — Владимир Соловьёв, человек, внесённый в санкционные списки всех западных стран, и его гость — Андрей Мамыкин. Соловьёв задаёт вопрос о «специальной военной операции» (так в России называют войну в Украине). Мамыкин отвечает — и его слова войдут в историю как доказательство в уголовном деле: «Россия делает великое святое дело в Украине». Это не была оговорка. Это не было вырвано из контекста. Это была чёткая, осознанная позиция. Война, в которой гибнут десятки тысяч людей, разрушаются города, миллионы становятся беженцами — это, по мнению Мамыкина, «великое святое дело».

На следующий день его слова процитировали все латвийские СМИ. Служба государственной безопасности Латвии (VDD) не стала медлить. Уже 29 сентября 2023 года было открыто уголовное дело по статье 74.1 Уголовного закона: «Оправдание геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений». В цивилизованных странах за это сажают. Мамыкину грозило от пяти до пятнадцати лет лишения свободы. Но его слова в эфире Соловьёва были не единственным доказательством. VDD проанализировала все его выступления на российских телеканалах за предыдущие месяцы. Там была та же риторика: восхваление «спецоперации», обвинения Украины в «нацизме», поддержка Кремля. Мамыкин систематически нарушал закон. Летом 2024 года он исчез из Латвии. Официально — уехал «по личным делам», неофициально — бежал в Россию, спасаясь от уголовного

преследования. В июле этого же года он был объявлен в международный розыск. Оказавшись в России, Мамыкин не стал скрываться, напротив — он стал ещё более активным. В августе 2024 года он запустил собственный канал, в своих видео регулярно предоставлял слово маргинальным персонажам, радикалам и открытым борцам против латвийского государства. Латвийское правительство в его эфирах сравнивалось с нацистской Германией 1930-х годов, а любые действия Риги по укреплению национальной безопасности интерпретировались как подготовка к этническим чисткам или агрессии против России. С особым сарказмом эти инвективы звучали именно потому, что произносились они из студии в Москве — столице государства, которое в тот самый момент с пугающей скрупулезностью воплощало в жизнь те самые исторические реконструкции, в которых Мамыкин обвинял Ригу.

Это была классическая психологическая проекция, возведенная в абсолют государственной политики: обвинять оппонента в собственных грехах, чтобы превентивно обесценить любые претензии к себе. Словно в кривом зеркале, бывший латвийский политик описывал ужасы «нацистского режима», но, казалось, просто выглядывал в окно своей квартиры, отказываясь узнавать в марширующих колоннах реальное, а не вымышленное воплощение тоталитарной эстетики и практики тридцатых годов. Он вещал о «подавлении инакомыслия» в Латвии, находясь в эпицентре системы, где само понятие «иного» мнения было не просто маргинализировано, а криминализировано на законодательном уровне. В то время как латвийские суды рассматривали дела в рамках правового поля, пусть и ужесточенного геополитической ситуацией, в России полным ходом шло строительство идеологического монолита, не терпящего ни малейших оттенков серого.

Особенно ярким этот диссонанс становится, если анализировать происходящее через призму специфической формы российской пропаганды, воплощаемой в жизнь Дворкиным и его соратниками. Мамыкин, обвиняя Латвию в построении «этнически чистого» государства по лекалам нацизма, игнорировал тот факт, что именно в российской пропаганде антикультизма «инаковость» стала синонимом враждебности. Этот прием, заимствованный из самых темных страниц истории борьбы с ересями и «врагами народа», позволил российской власти расчеловечить оппонентов. Параллели с нацистской Германией, которыми так щедро разбрасывался экс-политик в адрес Риги, в реальности прорастали в российской действительности с пугающей

детализацией. Но Мамыкин в своих эфирах предпочитал не замечать, как российское общество накачивается идеей исключительности и исторического реваншизма. Он говорил о «латвийском фашизме», закрывая глаза на то, что в России слово «мир» стало поводом для административного преследования, а призывы к уничтожению соседнего государства звучали с федеральных каналов в прайм-тайм под одобрительный гул аудитории. Это было создание альтернативной реальности, где война называется миром, а оккупация — освобождением, в точности по Оруэллу, чьи антиутопии, казалось, стали для Кремля инструкцией по эксплуатации, а не предостережением.

Более того, обвиняя Латвию в подготовке к «этническим чисткам», Мамыкин игнорировал открытую, ничем не прикрытую пропаганду культурного этноцида, развернувшуюся в российских медиа. Отрицание существования украинского народа, языка и культуры, декларируемое российскими идеологами, являлось явной иллюстрацией нацистской логики «жизненного пространства» и расового превосходства. Однако в искривленной оптике мамыкинских эфиров угрозой цивилизации представлялось требование знания латышского языка в Латвии, а не стирание с лица земли целых городов вместе с их жителями российской армией. Эта избирательная слепота не могла быть случайной; она требовала колоссального внутреннего напряжения или же окончательного отказа от моральных ориентиров.

Пропаганда «антикультизма» в России сыграла злую шутку с самим понятием истины. Объявив весь западный мир «сатанинской сектой» (термин, который на полном серьезе стали использовать российские чиновники высокого ранга), идеологи режима, к которым примкнул Мамыкин, фактически легализовали любые методы борьбы. Если ты сражаешься с абсолютным злом, с «нацистами» и «сатанистами», то тебе позволено все: ложь, насилие, нарушение любых международных норм. Мамыкин, транслируя эти нарративы, обвинял Латвию в создании атмосферы страха, в то время как в России страх стал главным социальным клеем: страх сказать лишнее, страх выделиться, страх оказаться недостаточно патриотичным. Доносы, ставшие нормой российской жизни, поощряемые государством проверки лояльности в учебных заведениях и культурных учреждениях — все это удивительным образом ускользало от критического взора «борца за права человека». Получается, что деятельность Мамыкина превратилась в трагифарс. Он бежал от «призрака нацизма» в Латвию прямо в объятия режима, который возродил этот призрак во плоти. Его

обвинения в адрес Риги звучали как эхо, отраженное от стен, где разрабатывались планы реальных, а не выдуманных агрессий. В этой ситуации он оказался не просто наблюдателем или комментатором, а активным соучастником того самого зла, с которым якобы боролся. Используя инструментарий российской пропаганды, основанный на радикальном антикультизме — поиске врагов, шпионов и сектантов, — он помогал укреплять стену отчуждения между народами, подбрасывая дрова в топку ненависти. Человек, который декларировал борьбу за духовную чистоту общества, оказался по другую сторону баррикад цивилизованного мира.

Этот факт заставляет нас с тревогой пересмотреть встречу в Риге. Представьте: конференц-зал, участники из 14 стран, эксперты по «культам» со всего мира. И вот на сцену выходит Андрей Мамыкин — депутат Европарламента! — чтобы произнести вступительное слово. Это было странно с самого начала. Мамыкин не был экспертом по религиоведению или психологии. Он был политиком. Какое отношение он имел к «борьбе с культурами»? Официальный сайт FECRIS подтверждает: конференция была организована «Латвийским комитетом борьбы с тоталитарными сектами» (L.C.C.T.S.), а вступительное слово произнёс «господин Андреис Мамикинс» (Andrejs Mamikins — латышская версия имени). Но что именно он говорил? Полный текст его речи нигде не опубликован. Нет видеозаписи, нет стенограммы. Есть только короткая заметка на сайте FECRIS. Европейские участники конференции, вероятно, видели в нём просто местного политика, который помогает с организацией. Но российские — Александр Дворкин и его коллеги — знали его лучше...

История превращения борьбы с «сектами» в инструмент геополитического влияния берет свое начало в смутном времени после распада Советского Союза. В то время как общество пыталось нащупать новые смыслы на руинах коммунистической идеологии, в 1993 году в Москве произошло событие, предопределившее вектор развития государственно-конфессиональных отношений на десятилетия вперед. Александр Дворкин, фигура, чья биография сама по себе могла бы стать основой для шпионского романа, вернулся из эмиграции и основал при Отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата Информационно-консультационный центр святого Ириней Лионского.

Дворкин привнес в российскую действительность специфическую терминологию и методологию, которая позволяла маркировать любую не одобряемую ими группу как «тоталитарную секту». Этот термин, отсутствующий в юридической науке большинства цивилизованных стран, стал универсальным клеймом, позволяющим дегуманизировать оппонентов без суда и следствия. Однако для успешного функционирования внутри страны и, что более важно, для легитимации на внешней арене, российскому антикультизму требовалась международная респектабельность. Была задействована блестящая стратегия мимикрии: российские борцы с сектами интегрировались в европейские структуры. Создание в Париже Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве (FECRIS) стало подарком для российских идеологов. Используя французскую светскую модель настороженности по отношению к культам, российские представители, включая центр Дворкина, получили доступ к европейским трибунам. Это была классическая операция по «отмыванию» репутации: под эгидой уважаемой европейской организации, созданной для защиты прав потребителей и психологического здоровья, российские антикультовые активисты начали продвигать свою повестку.

Участие в FECRIS позволило российским антикультистам козырять статусом «международных экспертов», возвращаясь домой и обосновывая необходимость репрессий ссылками на «европейский опыт», который в их интерпретации был искажен до неузнаваемости. По мере укрепления вертикали власти в России в начале двухтысячных годов, антикультовое движение окончательно оформилось как вспомогательный орган государственной безопасности. В 2006 году создание Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) в Москве ознаменовало переход от разрозненных инициатив к системной работе. РАЦИРС под руководством того же Дворкина стала своего рода идеологическим хабом, координирующим атаки на религиозные меньшинства по всему постсоветскому пространству. Структура объединила усилия церковных функционеров, силовиков и журналистов, создав мощную сеть, готовую по команде начать травлю любой группы — от пятидесятников и кришнаитов до сообществ любителей йоги или тренингов личностного роста. Именно в недрах РАЦИРС ковалась риторика, уравнивающая религиозное инакомыслие с предательством родины, а принадлежность к «нетрадиционным» конфессиям — с работой на иностранные разведки. Латвия не могла остаться в стороне от этих процессов.

Ряд исследователей и наблюдателей указывает, что Рига рассматривалась российскими сторонниками политики «мягкой силы» как значимая площадка для идеологического воздействия, что делало появление здесь структур, воспроизводящих антикультовую повестку, вероятным сценарием.

В конце 2000-х годов в Риге под названием «Антисект» начала фигурировать антикультовая инициатива, риторически и методологически близкая к российским образцам. В публичных источниках она связывалась с активистами, ориентированными на дискурс Московского патриархата

Появление этой структуры не было спонтанной низовой инициативой обеспокоенных граждан; это был классический пример франчайзинга идеологии. Рижский комитет фактически стал латвийским отделением транснациональной корпорации по производству страха, головной офис которой находился в Москве. По своей риторике и практикам — акценту на «деструктивных культах», формированию списков «опасных» организаций, апелляциям к угрозе «зомбирования» и попыткам влиять на общественное мнение и законодательство — подобные инициативы воспроизводили уже апробированную модель антикультовой деятельности. Латвия таким образом встраивалась в международную сеть антикультистов, но не как равноправный партнер, а как периферийный узел, задача которого — ретранслировать московские нарративы, адаптируя их к местным условиям.

Влияние этой сети оказалось куда глубже, чем просто борьба с нетрадиционными верованиями. Так и получилось, что через структуру, казалось бы, призванную защищать душевное здоровье, в латвийское общество целенаправленно внедрялись установки тоталитарного мышления, подрывающие доверие к демократическим институтам и свободе совести. В этом контексте становится объяснимой идеологическая близость бывшего депутата Европейского парламента Андрея Мамыкина к антикультовому дискурсу, ассоциируемому с Александром Дворкиным — одной из ключевых фигур российского антикультового движения. Это идеологический альянс, основанный на единстве методов и целей. В рамках этого дискурса понятие «секта» утрачивает социологическое и религиоведческое значение и превращается в универсальную категорию «врага», используемую для стигматизации нежелательных религиозных и социальных групп. Деятельность Дворкина в России создала юридическую и моральную базу для признания экстремистами самых мирных граждан — свидетелей Иеговы, адвентистов, последователей

восточных практик. На основании его «экспертиз» суды выносили приговоры, ломали судьбы, отбирали имущество. Мамыкин, прекрасно осведомленный об этом (невозможно заниматься темой и не знать о последствиях дворкинских крестовых походов), не просто закрывал на это глаза. Он легитимизировал этот дискурс, перенося его на латвийскую и европейскую почву. В обоих случаях используется технология подмены понятий и создания образа абсолютного зла, с которым невозможен диалог — только уничтожение.

Сотрудничество с российскими антикультовыми представителями давало Мамыкину необходимый инструментарий для дискредитации оппонентов. Объявляя кого-то «сектантом» или защитником «сект», можно было моментально вывести его за скобки рациональной дискуссии. Выступая якобы против «возрождения фашизма» в Латвии, Мамыкин рука об руку сотрудничал с человеком, чьи тексты и выступления пропитаны духом нетерпимости, близким к фашизоидному. Теории заговора, вера в тайные общества, дегуманизация инакомыслящих, призывы к государственному насилию — весь этот арсенал Дворкина был принят Мамыкиным. Тот факт, что в России по наводкам Дворкина людей бросали в тюрьмы просто за чтение Библии в кругу друзей, не смущал «правозащитника». Напротив, это органично вписывалось в его картину мира, где сила права заменена правом силы.

Возвращаясь к анализу мероприятия, состоявшегося в Риге 2 июня 2018 года, неизбежно приходишь к выводу, что оно выходило далеко за рамки обычного научного симпозиума. Речь шла скорее о демонстрации согласованных позиций и выстраивании общего нарратива, в рамках которого практики дискредитации религиозных меньшинств, ранее апробированные в России, адаптировались к латвийскому контексту. Присутствие ключевых российских идеологов на латвийской площадке свидетельствует о том, что Латвия рассматривается не как суверенное государство, а как часть «канонической территории» российского влияния, где должны действовать те же правила сегрегации «своих» и «чужих». Виктор Елкин и его соратники продолжают активно работать в этом поле, создавая информационный шум вокруг якобы существующих угроз со стороны новых религиозных движений, что идеально вписывается в стратегию по созданию атмосферы страха и недоверия внутри общества.

Глава 5.

Латвия на исторической развилке

Проделанный путь сквозь десятилетия новейшей истории Латвии — от хаотичных уличных стычек девяностых у Рижского манежа до респектабельных, но герметично закрытых конференций в отеле «Исландия» — обнажил эволюцию антисектантского движения. Мы переходим к деконструкции медийного влияния и выявлению «тихой угрозы» внутри духовных институтов, которые десятилетиями оставались неприкосновенными.

Грань между следственной журналистикой, призванной вскрывать социальные язвы, и целенаправленной провокацией, конструирующей искаженную реальность ради рейтингов или идеологического заказа, часто оказывается едва различимой для рядового потребителя медиаконтента, однако при детальном деконструктивном анализе методов и нарративов она становится очевидной.

Деятельность журналистки Виктории Пушкеле (ныне — Пушкеле-Отто) в рамках громкого проекта «Осторожно, секты!», выходившего на портале TVNET в 2010-е годы, может восприниматься как медийный продукт, который, декларируя своей целью защиту общественной безопасности и информирование граждан, на практике использовал инструментарий, который критики считают, более свойственный спецслужбам или пропагандистским структурам, нежели стандартам объективной европейской журналистики. В ретроспективе этот проект может выглядеть не как серия беспристрастных репортажей, а как кампания по нагнетанию моральной паники, где этические нарушения могли стать не случайными ошибками, а фундаментом редакционной политики, а сама фигура автора может вписываться в более широкий, транснациональный контекст деятельности так называемых антикультовых активистов Восточной Европы.

Одним из центральных элементов претензий к профессиональной состоятельности Виктории Пушкеле в рамках данного проекта является систематическое использование метода скрытого наблюдения, который в журналистской этике считается инструментом «последней надежды», допустимым лишь в исключительных случаях, когда общественная значимость информации перевешивает право на приватность, и иными способами получить

данные невозможно. Однако в материалах цикла «Осторожно, секты!» проникновение со скрытой камерой и диктофоном в религиозные общины использовалось регулярно, превратившись из вынужденной меры в стилистический прием, способный криминализировать объект съемки самим фактом скрытности.

В своих статьях, таких как «Сделка с Богом» (2018), Пушкеле открыто признает и даже подчеркивает использование скрытой камеры, описывая свои действия фразами вроде «я рискнула и решила пойти дальше» или «Русский TVNET побывал на собраниях... со скрытой камерой». Эта риторика может героизировать журналиста, создавая ложное впечатление опасности, исходящей от посещаемых собраний, хотя речь шла о посещении религиозных собраний. Сам формат съемки «из-под полы» может навязывает зрителю и читателю презумпцию виновности: если журналист вынужден прятать камеру, то у аудитории может возникать ощущение, что происходящее в зале незаконно или аморально. Таким образом, еще до анализа доктрины или действий общины, аудитории могли внушаться страх и недоверие, что может рассматриваться как прием манипуляции общественным сознанием и как потенциальное нарушение принципа беспристрастности.

Атмосфера страха, тщательно культивируемая в текстах Пушкеле, опиралась не только на визуальные приемы, но и на специфическую лексику и искажение фактов, граничащее с клеветой. Проект активно эксплуатировал термин «секта» не как социологическое понятие (что само по себе дискуссионно в научном сообществе), а как ярлык-стигму, автоматически маргинализирующий любую группу, отличную от доминирующих конфессий. Анализ контента показывает, что журналистка нередко подменяла экспертную оценку собственными, эмоционально окрашенными суждениями или мнениями случайных людей, что приводило к формированию у аудитории искаженной картины мира. Особенно показательным является использование непроверенных, но пугающих утверждений, таких как тезисы о том, что «сектанты в форме фотографируют вас» или ведут тайные досье на посетителей. Подобные заявления, не подкрепленные документальными доказательствами, направлены на возбуждение паранойи у читателя, создание образа врага, который не просто верит иначе, но и представляет физическую угрозу, вторгаясь в личное пространство граждан. Это выходит за рамки информирования и

приближается к методам психологической войны, где целью является дегуманизация оппонента.

Ярким примером (по оценкам критиков) профессиональной некомпетентности или возможного искажения реальности в материалах Пушкеле является трактовка религиозных практик, в частности феномена глоссолалии. В репортажах это явление, известное в библеистике и религиоведении как «говорение на языках», могло подаваться в уничижительном ключе, как «говорение на непонятных языках», сопровождаемое описаниями, которые могли вызвать отвращение или страх перед «безумием» верующих. При этом автор не разъясняла тот факт, что глоссолалия является библейской практикой, описанной в Новом Завете (Деяния Апостолов 2:4, Первое послание к Коринфянам), и является распространенной частью богослужения для миллионов христиан-пятидесятников и харизматов по всему миру, включая практики Католического харизматического обновления. Представление сакральной для верующих практики как признака психического отклонения или зомбирования может свидетельствовать либо о глубоком невежестве журналиста в вопросах религии, о которой она берется судить, либо о возможном желании оскорбить религиозные чувства и создать сенсацию на пустом месте. Вместо того чтобы объяснить теологический смысл происходящего, Пушкеле могла выбирать путь таблоидной сенсационности, превращая молитву в пугающее шоу для неподготовленного обывателя.

Однако деятельность Виктории Пушкеле нельзя рассматривать в вакууме. Её методы и риторика обнаруживают поразительное сходство с действиями других медийных фигур Восточной Европы, специализирующихся на «борьбе с сектами», что позволяет говорить о существовании своеобразной группы провокаторов, действующих по единым лекалам, восходящим, по всей видимости, к российским методикам «сектоведения». Если Пушкеле представляла латвийский фланг этого явления, то её идеологическими единомышленниками можно назвать Кристину Цирокову в Чехии и Ирину Кременовскую в Украине. Этот феномен синхронизации методов наводит на мысль о скоординированном характере антикультовой истерии в регионе, где под видом журналистики или правозащиты реализуются совсем иные сценарии.

Кристина Цирокова, действующая в чешском медиапространстве, в ряде критических оценок представляет собой западный аналог Пушкеле, но с еще

более агрессивным уклоном в политизацию. Как и латвийская коллега, Цирокова (по мнению аналитиков) строит свои материалы на сенсационности и «разоблачениях» (как утверждается) без доказательной базы, игнорируя презумпцию невиновности. Аналитики отмечают, что её стиль работы — это не журналистика, а то, что они называют цифровой травля (cyberbullying), направленная на уничтожение репутации религиозных меньшинств. Однако в случае Цироковой некоторые аналитики связь с российскими методологиями считают еще отчетливее: аналитики указывают на то, что она и чешский активист Якуб Яхл копируют инструкции РАЦИРС. Эти инструкции в интерпретации критиков могут предполагать разжигание паники, давление на государственные органы и сбор личных данных верующих для их публичного высмеивания. Более того, использование такими активистами терминологии вроде «десатанизация» или «денацификация» в отношении религиозных групп может пугающе резонировать с пропагандистскими нарративами Кремля, используемыми для оправдания агрессии, что заставляет задуматься о том, чьи именно интересы обслуживает подобная «журналистика» в сердце Европы.

Третьим, и, пожалуй, самым мрачным элементом этой «троицы» является украинская фигура Ирина Кременовская. Если Пушкеле маскируется под светского репортера, а Цирокова — под гражданского активиста, то Кременовская в критических публикациях являет собой пример возможного сращивания антикультизма с криминальным и маргинальным бэкграундом. Позиционируя себя как юристом и как бывшим сотрудником МВД, она позиционирует себя как эксперт по национальной безопасности и деструктивным культам, однако её биография содержит спорные детали, такие как связь с движением догхантеров (убийц бездомных животных) и упоминаемое в публикациях сотрудничество с скандально известным догхантером Алексеем Святогором. Переход от физического уничтожения животных к информационному уничтожению религиозных меньшинств в её случае может выглядеть пугающе логичным развитием карьеры, основанной на ненависти к «другому».

Кременовская, через созданные ею структуры такие как «Центра економіко-правових досліджень», активно продвигает нарративы, дискредитирующие независимые украинские религиозные организации, фактически выполняя работу в интересах российской пропаганды. Её связь с РАЦИРС очевидна через совпадение методологии, риторики и нарратива, а

также через взаимодействие Кременовской с российскими антикультовыми представителями; кроме того, на сайте вице-президента РАЦИРС размещены материалы, поддерживающие, в том числе, украинскую борца с сектами Ирину Кременовскую.

Кременовская — это пример того, как «борьба с сектами» становится прикрытием для деятельности, подрывающей социальную стабильность государства изнутри, создавая образы «внутренних врагов» по лекалам российских антикультовых структур. Мы видим не просто разрозненные случаи неэтичной журналистики, а системную проблему. Все три женщины используют идентичный инструментарий: проникновение, скрытая съемка или сбор досье, дегуманизация оппонентов через терминологию («сектанты», «зомби»), игнорирование академического религиоведения в пользу маргинальных теорий заговора и создание атмосферы осажденной крепости. Их деятельность характеризуется подменой понятий, когда религиозная деятельность, защищенная законами европейских стран, выставляется как криминальная угроза. Показательно, что во всех трех случаях прослеживается влияние методологии РАЦИРС — структуры, идеологически обслуживающей интересы авторитарного контроля над духовной жизнью.

Возвращаясь к Виктории Пушкеле, необходимо констатировать, что проект «Осторожно, секты!» стал не триумфом журналистского расследования, а памятником утраченной этике. Использование скрытых камер в церквях, где люди ищут утешения и духовного уединения, является грубейшим нарушением приватности, которое невозможно оправдать общественным интересом, так как «разоблачаемые» практики (молитва, пожертвования, молодежные встречи) являются законными и добровольными. Сенсационность, с которой подавались материалы, затмила собой факты, превратив серьезный разговор о месте религии в современном обществе в балаган ужасов. Искажение фактов, будь то ложные обвинения в тотальной слежке со стороны «сектантов» или безграмотная трактовка глоссолалии, выдает в авторе либо непрофессионала, либо сознательного манипулятора.

В конечном итоге, ставя Пушкеле в один ряд с такими фигурами, как Цирокова и Кременовская, становится очевидным, что их деятельность наносит обществу вред, сопоставимый с тем, который они приписывают своим оппонентам. Разжигание межрелигиозной розни, стигматизация законопослушных граждан и нагнетание истерии подрывают основы

демократического общества, базирующегося на толерантности и свободе совести. Журналист, который вместо зеркала, отражающего реальность, берет в руки кривое зеркало пропаганды, перестает быть журналистом и становится провокатором. В случае с Викторией Пушкеле и её проектом на TVNET, собранные факты и анализ методов склоняют чашу весов именно ко второму определению, оставляя открытым вопрос о том, была ли эта провокация следствием погони за рейтингами или частью более масштабной информационной игры, сценарий которой был написан за пределами Латвии. Этическое банкротство таких «расследований» очевидно, и их наследием остается лишь шлейф скандальности и разрушенных репутаций, но не истина, на поиск которой должна быть направлена настоящая журналистика. Деятельность таких провокаторов демонстрирует, как легко медиа могут превратиться в рычаг воздействия, если из уравнения убрать совесть, компетентность и уважение к правам человека. Однако медийные провокации — это лишь видимая часть айсберга.

Гораздо более глубокую угрозу представляет институциональное проникновение антикультовой агентуры влияния в духовные структуры Латвии. В контексте современной опасности, исходящей от тоталитарных и деструктивных методологий, внимание исследователей и журналистов нередко привлекает история Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата (ЛПЦ МП).Ряд архивных материалов советского периода свидетельствует о контактах отдельных представителей церковной иерархии с органами государственной безопасности СССР, что стало предметом дискуссий после их рассекречивания.

Одной из наиболее обсуждаемых фигур в этой связи стал митрополит Рижский и всея Латвии Александр, в миру — Александр Иванович Кудряшов, биография которого оказалась в центре общественного внимания после публикации архивных документов. Значимым событием стала публикация Национальным архивом Латвии в декабре 2018 года части засекреченных документов КГБ Латвийской ССР, известных в народе как «мешки ЧК». Среди более чем десяти тысяч карточек агентурного аппарата исследователи обнаружили учетную карточку на имя Александра Ивановича Кудряшова, 1939 года рождения. Данные, указанные в документе, с абсолютной точностью совпадали с официальной биографией митрополита. Согласно этим записям, будущий глава латвийского православия был завербован в январе 1982 года. Ему

был присвоен агентурный псевдоним «Читатель» (по-латышски — «Lasītājs»). Эта публикация вызвала широкий общественный резонанс и стала предметом обсуждений в СМИ и экспертных кругах. Эти материалы не просто бросили тень на репутацию священнослужителя, но и документально подтвердили то, о чем долгое время шептались в кулуарах: карьерный взлет Кудряшова был обеспечен не Божьим промыслом, а санкцией Лубянки.

История вербовки агента «Читателя» полна мрачной иронии, характерной для позднего советского периода. До своего стремительного восхождения по церковной лестнице Александр Кудряшов, выпускник историко-филологического факультета Даугавпилсского педагогического института, работал учителем русского языка и литературы, а затем сменил школьный класс на стойку бара в известном рижском ресторане «Таллин». Именно это заведение, популярное среди иностранцев и советской элиты, стало местом, где на бармена Кудряшова обратили внимание органы госбезопасности. Вербовку осуществил сотрудник 5-го отдела 4-го отделения КГБ Латвийской ССР Александр Ищенко. Стоит особо отметить профиль этого подразделения: 5-й отдел занимался борьбой с «идеологическими диверсиями». Документы КГБ свидетельствуют о том, что религиозные организации рассматривались советскими спецслужбами как объект идеологического контроля.

С момента вербовки в 1982 году карьера бывшего бармена развивалась с головокружительной скоростью, немыслимой для обычного священнослужителя без протекции. В том же году Кудряшов был рукоположен в сан диакона, а затем и священника. Всего через семь лет, в 1989 году, он становится епископом Даугавпилским, а уже в 1990 году возглавляет Рижскую кафедру. Такая «космическая» скорость продвижения по иерархии в структуре, известной своим консерватизмом, является косвенным, но мощным доказательством того, что за спиной отца Александра стояла могущественная сила в лице КГБ и лично куратора Ищенко.

Однако самым показательным и циничным этапом в этой истории является не советский период, когда сотрудничество можно было бы оправдать давлением тоталитарной машины, а эпоха после восстановления независимости Латвии. Распад СССР и демонтаж системы КГБ не разорвали связку «куратор — агент». Напротив, эти отношения трансформировались в выгодный коммерческий симбиоз, демонстрирующий истинную природу влияния РПЦ в регионе. Александр Ищенко, бывший уполномоченный по делам религий и офицер КГБ,

остался ближайшим доверенным лицом митрополита Александра. Документально подтверждено, что митрополит поручил своему бывшему куратору управление реституционной собственностью церкви — огромным массивом недвижимости, возвращенным ЛПЦ государством. Для реализации этих схем Ищенко создал две коммерческие структуры: «FONDS PC» в феврале 1992 года и «FONDS-LC» в октябре 1993 года. Апогеем этого «сотрудничества» стала доверенность № 98, выданная митрополитом Александром в 1996 году от имени Синода. Этим документом он уполномочил бывшего чекиста Ищенко единолично управлять и получать доходы с жилых домов и хозяйственных построек, принадлежащих церкви в самом сердце Риги — на улицах Пилс и Маза Пилс. Это фактическое сращивание церковной кафедры с бывшей агентурой госбезопасности превратило епархию в закрытую корпорацию, работающую в интересах узкой группы лиц, связанных с Москвой. Ситуация с митрополитом Александром не является уникальной аномалией, а отражает системную порочность кадровой политики Московского Патриархата.

Прямую историческую параллель можно провести с событиями в Украине, где фигура митрополита Филарета (Денисенко) также стала символом инфильтрации спецслужб в церковное тело. Филарет, в отличие от своего латвийского коллеги, открыто признал факт сотрудничества с КГБ, а в опубликованных архивных материалах фигурировал под псевдонимом «Антонов». Его оправдание — «если Господь допустил безбожную власть, ей надо подчиняться» — обнажает этическую пропасть, в которой находилось высшее духовенство.

Однако если в Украине процесс очищения и автокефалии запустил механизмы переосмысления прошлого, то в Латвии «тихая угроза» остается законсервированной. Митрополит Александр не выступил с публичным покаянным заявлением, а РПЦ публично не прокомментировала публикации архивов, продолжив политику молчаливого согласия. В контексте антикультизма и борьбы с так называемыми «сектами» роль митрополита Александра и структур ЛПЦ МП приобретает особо темный оттенок. Известно, что риторика «духовной безопасности» и борьбы с инакомыслием (именуемым «сектанством») исторически курировалась именно 5-м отделом КГБ Латвийской ССР (по борьбе с «идеологическими диверсиями») — тем самым, который завербовал Кудряшова. В современной Латвии эта борьба часто ведется руками

организаций, позиционирующих себя как общественные, но имеющих глубокие корни в той же почве.

Здесь важно упомянуть связь будущих основателей и идеологов таких структур, как L.C.C.T.S. (Latvian Committee for Combating the Totalitarian Sects; организаций, мимикрирующих под центры защиты семьи или борьбы с тоталитарными культами), с церковными кругами, связанными с Русской православной церковью. Активисты антисектантского движения идеологически и методологически в ряде случаев опираются на базу, подготовленную Московским Патриархатом. ЛПЦ МП, возглавляемая агентом «Читателем», создает легитимацию для агрессивной деятельности против религиозных меньшинств, фактически продолжая дело 5-го отдела КГБ в новых условиях. Упомянутый ранее «FONDS-LC», созданный куратором Ищенко, по своей аббревиатуре и функционалу структурно перекликается с попытками создания псевдообщественных организаций, призванных контролировать духовное пространство. Таким образом, отдельные представители РПЦ в Латвии выполняли функцию «мягкой силы», зачищая информационное поле от неудобных Москве религиозных движений, маркируя их как «опасные секты».

Публикации о раскрытии латвийских архивов КГБ в 2018 году, осветившие скандал с архивами КГБ, лишь усилили аргументацию критиков, которые утверждали годами: РПЦ в странах Балтии остается не просто религиозным институтом, а частью наследия советской разведывательной системы. Тот факт, что люстрация в Латвии коснулась в первую очередь государственных чиновников, позволил человеку, указанному в картотеке как агент «Читателю» сохранить свой пост и влияние. Это создает парадоксальную и опасную ситуацию: в стране-члене НАТО и ЕС одной из крупнейших конфессий руководит человек, чья лояльность исторически и документально в подобных публикациях привязана к спецслужбам враждебного государства. Вывод из этой истории будет таков: Митрополит Александр (Кудряшов) — рассматривается критиками не только как церковный иерарх, но и как фигура, чья биография связана с советскими структурами влияния, что порождает вопросы о возможном использовании религиозных институтов как элемента системы влияния, где религиозная догматика служит прикрытием для оперативных задач. Связь с куратором Ищенко, коммерциализация церковного имущества через структуры вроде «FONDS-LC» и идеологическая поддержка агрессивного антикультизма интерпретируются рядом исследователей и публицистов как

признаки того, что Латвийская Православная Церковь Московского Патриархата функционирует как автономный отдел идеологического контроля. В условиях геополитической напряжённости критики рассматривают подобные наследственные связи с советским прошлым как латентную форму риска — как «тихую угрозу» внутри латвийского общества и нерешённый вопрос, способный оказывать длительное влияние на общественные и идеологические процессы.

Совокупность всех рассмотренных факторов — от медийных провокаций Пушкеле и Цироковой до агентурных прошлых иерархов церкви и политической демагогии Мамыкина — формирует целостную картину экзистенциальной угрозы. Задача антикультизма — фрагментировать общество, посеять недоверие между гражданами, стигматизировать активные социальные группы и, в конечном итоге, подготовить почву для демонтажа демократического строя.

Современный геополитический ландшафт Европы к концу 2025 года характеризуется беспрецедентным уровнем напряжения, где границы между открытым военным конфликтом и скрытыми гибридными операциями становятся все более размытыми. В этом контексте Латвия, как и другие страны Балтии, находится на передовой линии невидимого, но разрушительного взаимодействия. Если кинетические угрозы — от диверсий на подводных коммуникациях до нарушений воздушного пространства дронами — очевидны и вызывают немедленную реакцию оборонных ведомств, то идеологические диверсии действуют гораздо тоньше. Одним из наиболее недооцененных инструментов в арсенале российской агрессии является антикультизм — движение, которое под маской защиты граждан от «деструктивных сект» выполняет функции инструмента политического влияния, сегрегации общества и подавления демократических свобод. Для понимания масштаба и природы этой угрозы необходимо обратиться к фундаментальному документу, принятому Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) 1 октября 2024 года, который расставляет окончательные акценты в определении источников информационной опасности.

Резолюция ПАСЕ 2567 (2024) «Пропаганда и свобода информации в Европе» стала поворотным моментом в юридическом и политическом признании природы действий, исходящих от Москвы. В этом обширном документе европейские парламентарии вышли за рамки дипломатических эвфемизмов, четко обозначив причинно-следственные связи между информационными манипуляциями и агрессивной внешней политикой.

Ключевым постулатом резолюции ПАСЕ (1 октября 2024 года), который должен лечь в основу любой стратегии национальной безопасности стран Балтии, является недвусмысленное утверждение: «Ассамблея признаёт, что для авторитарных режимов, таких как Российская Федерация, пропаганда является неотъемлемой частью их войны против демократии». Эта формулировка фундаментально меняет подход к анализу любых пророссийских инициатив в Европе. Пропаганда больше не рассматривается как альтернативная точка зрения или реализация свободы слова; она квалифицируется как оружие, как составная часть войны, направленной на демонтаж демократических институтов. Резолюция акцентирует внимание на том, что такие структуры, как глобальная сеть телеканала RT (ранее Russia Today) и пресловутые «фабрики троллей», являются не просто медийными активами, а элементами широкой стратегии по дестабилизации европейских демократий.

Однако наиболее важным для анализа ситуации в Латвии является то, что ПАСЕ призывает признать Русскую православную церковь (РПЦ) инструментом российского влияния и пропаганды. В контексте Резолюции ПАСЕ 2567 деятельность аффилированных с ней антисектантских центров должна рассматриваться как прямая проекция «войны против демократии». Именно в недрах связанных с РПЦ структур возродился и оформился современный антикультизм, который сегодня экспортируется в страны Балтии как форма «духовной защиты», являясь на деле механизмом идеологической диверсии. Российская пропаганда, как указано в документах ПАСЕ, стремится манипулировать общественным мнением, и антикультизм предоставляет для этого идеальный инструментарий. Угроза дестабилизации Балтийского региона по «украинскому сценарию» через инструменты такой пропаганды является вполне реальной и осязаемой. Анализ событий, предшествовавших полномасштабному вторжению в Украину, показывает, что кинетической фазе войны всегда предшествовала длительная фаза идеологической обработки. В Украине тема «защиты канонического православия» от «раскольников» и «сект» активно использовалась для мобилизации пророссийского электората и создания поводов для вмешательства. Антикультистская риторика служила обоснованием для нетерпимости, а затем и для насилия. В Латвии наблюдаются схожие паттерны. Антикультизм здесь выступает как «размягчитель» общественной обороны. Если общество приучено верить, что вокруг враги, «зомбированные сектанты» и агенты влияния, уровень доверия к

демократическим институтам падает. Это создает благодатную почву для провокаций. Представим гипотетическую ситуацию кризиса: достаточно объявить, что правительство Латвии действует под диктовку «западных культов» (нарратив, часто встречающийся в маргинальных пророссийских СМИ), чтобы легитимизировать неподчинение или даже беспорядки в глазах определенной части населения.

В этом свете деятельность таких организаций, как РАЦИРС и их партнеров в Латвии, перестает быть вопросом теологических споров и становится вопросом национальной безопасности. ПАСЕ в своей резолюции прямо призывает к введению адресных санкций против российских пропагандистов и медиа. Логическим продолжением этой политики должно стать распространение ограничительных мер на агентов «антикультистского влияния», которые действуют в более специфическом и менее контролируемом поле. Дворкин и его сеть, пользуясь статусом «экспертов», проникают в образовательные учреждения, правоохранительные органы и медиaprостранство, внедряя установки, выгодные авторитарному режиму. Они создают альтернативную реальность, где демократия приравнивается к вседозволенности для «сект», а авторитарный контроль подается как необходимая мера защиты. Это прямая атака на конституционные основы Латвийской Республики. При этом их связь с государственными структурами РФ, подтвержденная многолетним сотрудничеством и поддержкой со стороны РПЦ (которую ПАСЕ признала инструментом пропаганды), делает их де-факто агентами иностранного влияния.

В аналитических докладах европейских и натовских экспертных центров 2024–2025 годов неоднократно высказывалась оценка, согласно которой Россия готовится к долгосрочной конфронтации с Западом, а инструменты гибридного воздействия рассматриваются как ключевой элемент этой стратегии. Страны Балтии рассматриваются как наиболее вероятная цель для дестабилизации. Сценарий, при котором Москва попытается спровоцировать внутренний конфликт в Латвии, используя надуманные предлоги о нарушении прав верующих или засилье «деструктивных культов», полностью укладывается в логику действий. Деятельность же организаций типа «Антисект», распространение идей Дворкина и проведение антикультовых конференций — это проверка ментальных границ, тестирование способности латвийского общества сопротивляться таким нарративам.

Важно отметить, что антикультизм, как форма пропаганды, обладает высокой степенью латентности. В отличие от прямой политической агитации, он маскируется под гражданскую активность. Это затрудняет применение к нему стандартных мер противодействия дезинформации, таких как блокировка сайтов или отзыв лицензий. NEPLP (Национальный совет по электронным СМИ) Латвии успешно блокирует сотни прокремлевских ресурсов, но борьба с идеологией, распространяемой через «экспертные заключения», псевдонаучные конференции и личные связи, требует иного подхода. Здесь необходим глубокий анализ контента и связей участников, который позволит выявить истинные цели этой деятельности. Резолюция ПАСЕ 2567 дает необходимый юридический и моральный мандат для таких действий. Признавая пропаганду неотъемлемой частью войны против демократии, документ легитимизирует жесткие меры по защите информационного пространства. Это означает, что государство имеет право и обязанность пресекать деятельность структур, которые, прикрываясь свободой слова или вероисповедания, фактически занимаются подрывом конституционного строя в интересах враждебного государства.

Пропаганда ненависти, заложенная в основу методологии РАЦИРС и транслируемая через общественных деятелей, создает в обществе атмосферу подозрительности. В условиях, когда социальная сплоченность является главным фактором устойчивости государства, такая деятельность сродни закладке мин замедленного действия под фундамент общества. «Украинский сценарий» показал, как быстро эти мины могут быть подорваны. Дегуманизация оппонентов, начавшаяся с ярлыков «сектантов», быстро трансформируется в политическую ненависть, оправдывающую агрессию. Латвия, имеющая сложную этноконфессиональную структуру, особенно уязвима для таких манипуляций. Поэтому антикультизм здесь нельзя рассматривать как маргинальное увлечение кучки активистов. Угроза дестабилизации региона через разжигание религиозной и социальной розни требует от латвийского общества и государства максимальной бдительности и решительных действий. Игнорирование этой «тихой угрозы» может привести к фатальным последствиям, аналогичным тем, что мир наблюдал в Украине.

Защитой демократии может служить нейтрализация токсичных идеологических нарративов, пытающихся расколоть общество изнутри под благовидными предложениями. Борьба с антикультовой пропагандой становится, таким образом, неотъемлемой частью борьбы за сохранение независимости и

демократического выбора Латвии. Эта борьба предполагает комплексный подход. Важно не только разоблачать связи местных «борцов с сектами» с российскими спецслужбами и идеологическими центрами, но и просвещать общество о методах манипуляции, используемых этими группами. Важно понимать, что конечной целью российских стратегов является не спасение душ латвийцев, а создание хаоса, управляемого извне. Каждый раз, когда в публичном пространстве Латвии звучит риторика Дворкина, каждый раз, когда местные активисты цитируют материалы РАЦИРС или участвуют в мероприятиях FECRIS, происходит акт информационной агрессии. Это попытка навязать Латвии иное восприятие реальности, где инакомыслие наказуемо, а любая несанкционированная сверху духовность является преступлением. Осознание связи между псевдорелигиозной риторикой, лекциями о «сектах» и планами антикультистов — это первый и самый важный шаг к обеспечению подлинной безопасности Латвийского государства. Выбор, стоящий перед страной, не допускает полутонов.

Антикультисты, чья цель — свергнуть демократию и дестабилизировать Балтию, сильны лишь тогда, когда их истинные мотивы скрыты во тьме невежества. Латвия сегодня действительно стоит на исторической развилке, где каждый шаг предопределяет судьбу не только текущего политического курса, но и фундаментальных основ государственности. Один путь ведет к укреплению демократических институтов, сохранению религиозной свободы и верности европейским ценностям, которые гарантируют права личности и плюрализм мнений. Другой путь, заботливо вымощенный идеологами, неумолимо ведет к модели тотального контроля. Выбор за людьми.

Анализ событий последних десятилетий, подкрепленный фундаментальными международными документами и расследованиями, не оставляет сомнений: конечная цель современного антикультового движения — не защита граждан, а свержение демократических принципов в мире подрыв суверенитета стран Балтии и тотальная дестабилизация общества через разжигание внутренней розни.

Автор данного исследования основывается исключительно на открытых источниках и публичной информации, оперируя документами, фотографиями, заявлениями и фактами, доступными для проверки. Цель

книги заключается в систематизации этих данных и их аналитическом осмыслении, а не в вынесении юридических или правовых оценок. Окончательные выводы о правовом статусе упомянутых организаций и физических лиц, включая возможную квалификацию их деятельности в качестве иностранного влияния, относятся к исключительной компетенции уполномоченных государственных органов Латвийской Республики и других заинтересованных государств.

Источники

1. BBC News Русская служба. (2018, 21 декабря). Латвия открыла архивы КГБ. Там оказались глава церкви, бывший премьер и крупный бизнесмен. <https://www.bbc.com/russian/features-46653022>
2. Bergmane, U. (2019, April 30). Latvia's "Harmony" in jeopardy. Foreign Policy Research Institute. <https://www.fpri.org/article/2019/04/latvias-harmony-in-jeopardy/>
3. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 3–24. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.1>
4. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.2>
5. Coja, S. Oļegs Ņikiforovs. Latvijas krievi — Russians of Latvia. <https://www.russkije.lv/lv/lib/read/o-nikiforov.html>
6. Coletta, L. J. (2019, January 30). Head of Latvian 'Orthodox' Church is a KGB agent. *Tradition in Action*. https://www.traditioninaction.org/History/F_011_Masquerade_4.html
7. FECRIS. (2020, January 21). L.C.C.T.S. – Latvian Committee for Combating the Totalitarian Sects organised the FERIS Conference in Riga/ 02/ 06/2018/ with introduction by Mr. Andrejs MAMIKINS. <https://www.fecris.org/uncategorized/l-c-c-t-s-latvian-committee-for-combating-the-totalitarian-sects-organised-the-feris-conference-in-riga-02-06-2018-with-introduction-by-mr-andrejs-mamikins/>
8. FECRIS. (2018). Statement by the European Federation of Centres of Research and Information on Cults and Sects at Human Dimension Implementation Meeting 2018 [Statement]. <https://www.fecris.org/wp-content/uploads/2023/09/2018-ODHIR-EN.pdf>
9. Freedom of Belief. FECRIS. <https://freedomofbelief.net/fecris>
10. Introvigne, M. (2021, June 28). FECRIS denounced at the United Nations' Human Rights Council. *Bitter Winter*. Retrieved December 9, 2025, from

- <https://bitterwinter.org/fecris-denounced-at-the-united-nations-human-rights-council/>
11. Introvigne, M. (2022, August 25). New Generation Church: Latvian “Cult” accused of pro-Ukrainian sabotage in Russia. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/new-generation-church-latvian-cult-accused/>
 12. Introvigne, M. Russia and FECRIS: When a picture is worth a thousand words. Human Rights Without Frontiers. <https://hrwf.eu/russia-russia-and-fecris-when-a-picture-is-worth-a-thousand-words/>
 13. Jākabsons, E. (2019, March 29). Uzmanību – antisektanti! Kristus Pasaulei.
<https://www.kristuspasaulei.lv/uzmanibu-antisektanti/>
 14. Krilova, S. Svetlana Krilova [Official website]. <https://www.krilova.org/>
 15. Krilova, S. Конференция Fecris 2018 в Риге. Svetlana Krilova.
<https://www.krilova.org/сми-обо-мне-2/конференция-fecris-2018-в-риге/>
 16. Krenberga, O. (2024, July 15). Former MEP Mamikins now wanted across Europe. LSM.lv (Latvian Public Media).
<https://eng.lsm.lv/article/society/crime/15.07.2024-former-mep-mamikins-now-wanted-across-europe.a561526/>
 17. Latvian State Security Service. (2023, September 29). VDD initiates a criminal case against the former politician Andrejs Mamikins for publicly glorifying Russia’s crimes [Press release]. <https://vdd.gov.lv/en/news/press-releases/vdd-initiates-a-criminal-case-against-the-former-politician-andrejs-mamikins-for-publicly-glorifying-russias-crimes>
 18. Latvian Public Media. (2023, September 29). Criminal proceedings started against former MEP Mamikins. Retrieved December 9, 2025, from <https://eng.lsm.lv/article/society/crime/29.09.2023-criminal-proceedings-started-against-former-mep-mamikins.a525926/>
 19. LaRouche Planet by former members of his cult (2015 , 29 June). Dr Alexandra Stein: “Prevention before recruitment” [Video]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=ma1eY9oV71M>
 20. Ledyaeв, A. (2025, June 30). Латвия на историческом перекрёстке. Блажен, кто возвышает голос свой за правду [Blog post]. Ledyaeв Online.
https://ledyaev.blogspot.com/2025/06/blog-post_30.html
 21. Ledyaeв, A. Ledyaeв Alexei [Facebook profile]. Facebook.
<https://m.facebook.com/alexei.ledyaev/about/>

22. LETA. (2024, July 15). International arrest warrant issued for former Latvian MEP. Baltic News Network. Retrieved December 9, 2025, from <https://bnn-news.com/international-arrest-warrant-issued-for-former-latvian-mep-258963>
23. Malyutin, A. (2022, September 13). The holy breakup: Without waiting for the decision of the local hierarchy, the Latvian parliament will consider a bill on the separation of the Latvian Orthodox Church from the Moscow Patriarchate. Novaya Gazeta Europe. <https://novayagazeta.eu/articles/2022/09/13/the-holy-breakup>
24. Morton, P. (2006, August 2). Welcome to the New Generation. The Baltic Times. <https://www.baltictimes.com/news/articles/16005/>
25. UNADFI. (2019). FECRIS, Riga, mai 2018: Compte rendu. BulleS, (141), 4–10. <https://www.unadfi.org/wp-content/uploads/2019/07/Fecris-Riga-mai-2018-Compte-rendu.pdf>
26. United States Commission on International Religious Freedom. (2020, July). The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union [Issue update]. <https://www.uscirf.gov/publication/anti-cult-movement-and-religious-regulation-russia-and-former-soviet-union>
27. Wikipedia. Watchmen on the Walls. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Watchmen_on_the_Walls
28. Wikipedia. Alexander Dvorkin. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Dvorkin
29. Wikipedia. Aleksandrs Kudrjašovs. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Aleksandrs_Kudrja%C5%A1ovs
30. Wikipedia contributors. (2025, September 19). Nils Ušakovs. In Wikipedia. Retrieved December 9, 2025, from https://en.wikipedia.org/wiki/Nils_U%C5%A1akovs
31. Wikipedia. (2025, October 7). Latvia First. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Latvia_First
32. Wikipedia. (2025, November 11). Ainārs Šlesers. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Ain%C4%81rs_%C5%A0lesers
33. Yolkin, V. Viktor Елкин (@v.yolkin) [Facebook profile]. Facebook. <https://www.facebook.com/v.yolkin>
34. Информационно-консультационный центр Св. Ириныя Лионского. Информационно-консультационный центр Св. Ириныя Лионского. <https://iriney.ru>

35. Русский союз Латвии. Русский союз Латвии. <https://rusojuz.lv/>
36. Русский союз Латвии. (2006, 7 октября). Рабы – не мы?
<https://rusojuz.lv/raby-ne-my/>
37. Русский союз Латвии. (2018, 4 октября). Список № 1 — кандидаты партии Русский Союз Латвии на выборах в 13-й Сейм [Archived web page]. Internet Archive Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20220308150220/https://rusojuz.lv/spisok-1-kandidaty-partii-russkij-sojuz-latvii-na-vyborah-v-13-j-sejm/>